
18+
Зорин Яромир
Бругмансия

Яромир Зорин

Бругмансия. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Зорин Я.

Бругмансия. Сборник рассказов / Я. Зорин — «Издательские решения»,

Бругмансия. Цветок, который пахнет смертью.Её называют «ангельской трубой», но ангелы здесь не поют. Её аромат дурманит, сводит с ума и заставляет забыть собственное имя. Она растет там, где пролита кровь и нарушены законы мироздания.«Бругмансия» — это сборник мрачных и изысканных хоррор-историй, каждая из которых подобна лепестку этого ядовитого цветка.

© Зорин Я.
© Издательские решения

Содержание

1 7
Тени поместья Мор 7
2 8
Шепот за холстом 8
3 9
Танцы на краю бездны 9
4 10
Изнанка мироздания 10
5 11
Побег из поместья Мор 11
6 12
Узоры на стекле 12
7 14
Нити забытого договора 14
8 16
Архитектура безумия 16
9 18
Зеркальный лабиринт памяти 18
10 19
Финальный акт 19
Эпилог 21
Осы 22
1 23
Кровавый шёлк над Мёртвыми Выселками 23
2 24
Гниение изнутри 24
3 25
Ложные люди 25
4 26
Формула спасения 26
5 27
Чёрные топи и шёпот Семьи 27
6 28
Стальное брюхо чудовища 28
7 29
Выбор королевы 29
8 30
Пепел над Мёртвыми Выселками 30
9 31
Фантомный гул 31
10 32
Последний выживший 32
11 33
Гнездо не умирает 33
12 34
Наперегонки со временем 34

13 35
Саван из бензина 35
14 36
Спуск в Брюхо Земли 36
15 37
Шестиугольный трон Королевы 37
16 38
Последняя искра 38
17 39
Из пепла и праха 39
Дополнительные сведения 40
проэкт психея-9 41
Жизненный цикл и анатомия Алого Роя 42
Анатомия «Ложных Людей» (Кукол) 43
Архитектура Плотского Улья 44
Особенности метаморфозы Таниды 45
Челюсть в стакане 46
Черничный пирог 47
Маска зевирниры 48
Комната 51
Матильда Блейк 52
Озеро единорога 54
Девочка и крысы 55
Шкатулка бабочек 56
Грибы в лесу 57
Белые колпочки 58
Сестры виззерти 59
Клоун с тележкой шариков 60
Город молчаливых 61
Локон русалки 62
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Бругмансия
Сборник рассказов

Яромир Зорин

© Яромир Зорин, 2026

ISBN 978-5-0071-7069-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Тени поместья Мор

Ленор Мор никогда не хотела переезжать. Огромное, покосившееся от времени поместье её дяди, затерянное среди густых лесов и вечного тумана, казалось ей местом, где само время остановилось, чтобы гнить. Её дядя, человек пугающе замкнутый, встретил её на пороге с неестественной бледностью на лице. Но больше всего Ленор поразила странная особенность дома: в нём не было ни одного зеркала. Все отражающие поверхности были либо плотно заколочены досками, либо завешены тяжёлой, пыльной тканью. Когда она спросила об этом, дядя лишь вздрогнул, его глаза беспокойно забегали по углам, и он прошептал, что зеркала — это не просто стекло, это «двери, которые никогда не стоит открывать». Ленор не придала этому значения, пока однажды, бродя по пыльному чердаку, не наткнулась на зеркало, забытое в дальнем углу. Оно было огромным, в тяжёлой позолоченной раме, покрытой многолетним слоем грязи. Девушка смахнула пыль рукой. В отражении она увидела не себя, а тускло освещённую комнату, в центре которой сидел он. Клоун. Его костюм выглядел так, будто его сшили из лоскутов ночного неба и засохшей крови, а грим был настолько неестественным, что казался живой, пульсирующей маской. Он медленно поднял голову и улыбнулся — улыбкой, от которой у Ленор внутри всё похолодело.

— Здравствуй, Ленор, — прошептал голос из зеркала, хотя губы клоуна не шевелились. — Меня зовут Моззеус. Ленор отпрянула, сердце бешено колотилось в груди. Она бросилась вниз, к жителям городка, надеясь найти успокоение, но когда она упомянула имя клоуна, улыбки на лицах горожан мгновенно исчезли. Старики крестились, а женщины прижимали к себе детей. Они предупреждали её дрожащими голосами: «Никогда, слышишь, никогда не говори с Моззеусом. Те, кто слушает его шутки, перестают принадлежать этому миру». Но было уже поздно. Каждую ночь Моззеус приходил к ней в снах, предлагая миры, полные чудес, и обещая избавить её от одиночества. Его голос звучал как сладкая музыка, убаюкивающая бдительность. Ленор знала, что должна бежать, но манящая пустота в глазах клоуна тянула её сильнее, чем здравый смысл. Она не знала, что Моззеус уже подготовил для неё роль в своём бесконечном, кровавом представлении, и что цена за общение с ним — это гораздо больше, чем просто её покой.

2

Шепот за холстом

Ленор почти не спала. Каждую ночь она запирала дверь спальни на засов и подпирала её тяжёлым дубовым комодом, но это не помогало. Моззеус не нуждался в дверях. Он приходил сквозь сны, просачиваясь в её сознание, как ядовитый туман. В ту ночь сон был пугающе осязаемым. Ленор стояла посреди огромного бального зала, освещённого лишь сотнями догорающих свечей. Пол был устлан чёрным бархатом, который поглощал звук её шагов. В центре зала, на троне из переплетённых человеческих костей, восседал Моззеус. На этот раз он не сидел неподвижно. Он жонглировал предметами, которые в полумраке казались человеческими сердцами — они пульсировали, оставляя в воздухе кровавые шлейфы.

— Ты пришла на репетицию, Ленор, — пропел он, не прекращая своего жуткого танца. — Зрители уже занимают места. Слышишь их дыхание?

Ленор огляделась. В пустоте зала начали проявляться силуэты. Сотни теней, лишённых лиц, неподвижно замерли в ложах. Они не аплодировали, они ждали. Воздух в зале стал густым и сладковатым, как запах гниющих цветов.

— Я не твоя марионетка, — выдохнула она, чувствуя, как реальность сна начинает трещать по швам. — Уходи из моей головы!

Клоун резко остановился. Предметы в его руках рассыпались прахом. Он сделал шаг к ней, и расстояние между ними мгновенно сократилось — он оказался так близко, что Ленор почувствовала ледяное дыхание, пахнущее пылью веков и озоном.

— Ты уже здесь, милая Ленор, — его пальцы, длинные и неестественно бледные, коснулись её щеки. Там, где он проводил, кожа начинала неметь, теряя тепло. — Ты думаешь, что дядя заколотил зеркала, чтобы спрятать *меня*? О нет. Он прятал *себя*. Он был первой актрисой в моей труппе. И знаешь, что он сделал, чтобы сбежать?

Моззеус рассмеялся, и этот звук эхом раздался не только во сне, но и в её спальне в реальности. Ленор резко открыла глаза. Сердце колотилось в горле. В комнате было темно, но в лунном свете, пробивающемся сквозь щели в заколоченном окне, она увидела нечто, от чего её кровь застыла. На стене, прямо напротив её кровати, где раньше висел старый гобелен, теперь была видна тонкая полоска света. Гобелен сполз, и под ним обнаружилось небольшое, вмурованное в стену зеркальце, которое она раньше не замечала. Оно пульсировало мягким фиолетовым светом. А внутри него, в глубине стекла, медленно разворачивался край занавеса.

— Он отдал мне свой голос, — прошептал голос из зеркальца, теперь совершенно явный, тихий, как шорох сухих листьев. — А ты, Ленор… ты отдашь мне свою улыбку. Девушка вскочила с кровати, схватив тяжёлый подсвечник, чтобы разбить проклятое стекло, но замерла. Из зеркала высунулась рука — тонкая, в перчатке из ночного неба — и приложила палец к губам. В этот момент дверь её спальни, подпёртая комодом, начала медленно, с жутким скрипом, отворяться. Комод не сдвинулся, но дверь просто… начала истончаться, превращаясь в призрачную мембрану, сквозь которую в комнату вливалась темнота. Моззеус начал входить в её мир, и теперь Ленор поняла: то, что происходило в зеркале, перестало быть сном. Сценарий был написан, и занавес поднялся.

3

Танцы на краю бездны

Ленор отступила к окну, судорожно сжимая подсвечник. Дверь спальни уже не существовала — на её месте клубился густой, осязаемый мрак, из которого, словно из чернил, медленно вырисовывалась высокая, неестественно худая фигура. Моззеус шагнул в комнату. Теперь, когда он перестал быть лишь отражением, его облик вызывал приступы тошноты. Он был похож на оживший кошмар викторианского цирка: узкие плечи, длинные, как у паука, конечности и сюртук, лоскуты которого жили собственной жизнью, подрагивая, будто крылья ночных мотыльков. Его лицо, выкрашенное в ослепительно-белый, местами трескалось, обнажая под «кожей» не плоть, а бесконечную, звездную пустоту. Самым жутким были глаза — два ярких, пронзительно-желтых пятна, в которых не было ни зрачков, ни сострадания.

— Почему ты дрожишь? — прошипел клоун, делая изящный пируэт в сторону комода. — Мы же только начинаем прогон.

— Уходи! — крикнула Ленор, отчаянно пытаясь нащупать за спиной раму окна. — Я не подписывалась на твое безумие!

Она взглянула на свои руки — бледные, тонкие пальцы с дрожащими суставами, — и впервые осознала, почему она оказалась здесь, в этой богом забытой глуши. После смерти родителей, в аварии, которую полиция назвала «необъяснимой потерей управления», у неё не осталось никого. Семейное поместье Мор было последним пристанищем, куда её, сломленную долгами и одиночеством двадцатилетнюю девушку, вызвал дядя Август. Он прислал письмо, полное тревоги: *«Ленор, ты последняя из нас. Ты должна приехать, чтобы замкнуть круг, иначе тьма, что копилась поколениями, поглотит этот мир»*. Тогда она думала, что дядя просто выжил из ума от старости. Теперь она понимала: он призывал её как жертву, как замену, чтобы выкупить собственную жалкую свободу.

— «Замкнуть круг», — усмехнулся Моззеус, словно прочитав её мысли. Его желтые глаза вспыхнули ярче. — Август всегда был плохим актёром. Он предпочел запереться в подвале, питаясь крошками моей славы, лишь бы не выходить на свет рампы. Ленор, не дожидаясь продолжения, с размаху ударила подсвечником по заколоченному окну. Доски с треском подались. Она ожидала увидеть ночной сад, но вместо этого за окном была лишь бесконечная, пульсирующая пустота — небо, похожее на изнанку старого бархата, где вместо звезд висели подвешенные в воздухе театральные маски. Она поняла: поместье оторвалось от реальности. Оно больше не стояло в лесу. Оно летело сквозь лимб.

— Куда ты собралась? — голос Моззеуса раздался прямо за её ухом. Ленор резко обернулась и с силой ударила его тяжелым металлом. Подсвечник прошел сквозь клоуна, как сквозь дым, но в момент соприкосновения она услышала скрежет — словно нож по стеклу. Клоун отшатнулся, и на мгновение его грим поплыл, обнажив испуганное, человеческое лицо, искаженное гримасой боли.

— Ты… — прошептал он, и в его голосе прорезались нотки настоящей ярости. — Ты унаследовала его проклятый дар сопротивления. Ленор поняла: он не всесилен. Он боится. Она бросилась к двери, игнорируя сгущающуюся тьму, и рванула в коридор. Ей нужно было найти дядю Августа. Если он запер Моззеуса в зеркалах, значит, он знал, как вышвырнуть эту тварь обратно в ад. Она бежала по гулким коридорам, в то время как стены поместья начали вибрировать, а полы — превращаться в зыбучие пески из сценического грима. Позади, из каждой тени, доносился заливистый, дребезжащий смех Моззеуса:

— Беги, Ленор! Чем длиннее будет погоня, тем грандиознее выйдет финал!

4

Изнанка мироздания

Коридор, казалось, растянулся на километры. Стены поместья дышали — обои вздувались, как кожа под воздействием яда, а из трещин в потолке сочилась густая, чернильная жидкость, пахнущая озоном и старой бумагой. Ленор бежала, едва касаясь носками туфель дощатого пола, но каждый её шаг отдавался глухим ударом барабана, разносящимся по всему дому. Она ворвалась в кабинет дяди, ожидая увидеть запертые двери, но комната оказалась пуста. Вернее, она была вывернута наизнанку: шкафы с книгами вросли в потолок, а огромный письменный стол плавился, стекая на пол густой чёрной массой.

— Дядя! — закричала она, срывая голос. В ответ — лишь тишина, пропитанная ожиданием. И тут, в самом центре кабинета, воздух начал рваться, словно ткань. Сначала появилась тонкая, вибрирующая щель, затем она расширилась, явив нечто, от чего у Ленор перехватило дыхание. Моззеус стоял посреди комнаты. Но его больше не было. Клоунский костюм — лоскуты ночи и крови — опал на пол пустой кучей тряпья. Грим, который казался маской, начал отслаиваться, сползая с лица длинными белыми лентами. То, что осталось, не имело человеческой формы. Это было существо из чистой геометрии кошмара: длинное, колышущееся веретено из сгущенной пустоты, усеянное десятками глаз, каждое из которых вращалось независимо, фокусируясь на Ленор. У него не было рта, но звук исходил прямо из его вибрирующего тела — низкий, вибрирующий гул, который заставлял кости Ленор резонировать от боли. Оно было похоже на дыру в реальности, сшитую из чужих страданий. *«Ты думала, я — шут?«* — голос не звучал в воздухе, он раздавался прямо в её черепе, скрежеща, как металл по металлу. *«Я — Свидетель. Я — эхо всего, что было забыто. Я — та самая пустота между твоими мыслями, Ленор. Твой дядя не запирал меня. Он пытался удержать границы своей реальности, пока я медленно съедал его изнутри». *

Существо подалось вперед. Его конечности, напоминавшие обломки зеркал, вонзались в паркет, превращая дерево в стекло. Ленор увидела, как в этом стекле отражаются тысячи версий её самой: Ленор плачущая, Ленор кричащая, Ленор, ставшая такой же тенью.

— Ты не существуешь, — прошептала она, пытаясь сохранить остатки рассудка, хотя её разум уже начал распадаться на куски. *«Я — единственный, кто существует здесь по-настоящему“, * — ответило оно, и его щупальце-зеркало коснулось её виска. В этот миг реальность вокруг Ленор рассыпалась, как витраж. Она увидела правду: поместье Мор не было домом. Это был „сачок“, расставленный в пространстве, чтобы ловить души, которые потеряли точку опоры. Дядя Август не был жертвой — он был „смотрителем“, который до последнего вздоха пытался скрыть, что кормят эту тварь не шутками, а памятью. Ленор почувствовала, как её собственное детство — запах бабушкиного чая, свет утреннего солнца, первый поцелуй — начинает вытягиваться из неё, впитываясь в черную субстанцию существа. Она была не просто гостем, она была его последним, самым изысканным обедом. В глубине существа, среди вращающихся глаз, она внезапно разглядела нечто знакомое. Там, замурованный в центре этой живой пустоты, бледный и почти прозрачный, сидел Август. Он не был мертв. Он был бесконечно спрессован в кристаллическую решетку существа, его губы беззвучно повторяли одну и ту же фразу, ставшую ключом ко всему: *«Имя… найди Имя… только Имя разорвет ткань…„*

Оно больше не было клоуном. Оно было Бездной, и оно начало медленно обволакивать Ленор своим ледяным, зеркальным присутствием.

5

Побег из поместья Мор

Ленор не стала дожидаться рассвета. Оставив позади проклятый кабинет, она схватила только самое необходимое — пальто и старый кожаный саквояж с документами на дом, которые теперь казались ей вещдоками в деле против нечистой силы. Каждый шорох в коридоре заставлял её вздрагивать, ожидая увидеть бесконечные, вращающиеся глаза Бездны, но поместье хранило гробовое молчание. Она выскочила на крыльцо, когда небо начало окрашиваться в болезненно-серые тона. Лес, который раньше казался ей декорацией к фильму ужасов, теперь выглядел просто лесом, но Ленор не оглядывалась. Она бежала по узкой тропе, пока ноги не начали подкашиваться от усталости. Только когда густые ели расступились, и вдалеке показались покосившиеся крыши деревни, Ленор замедлила шаг. Она выглядела как безумная: растрепанные волосы, бледное лицо, заляпанное темной пылью, и глаза, в которых застыл немой ужас. Её приметила старушка, возившаяся в палисаднике у самой окраины леса. Это была Барбора — женщина, чьё лицо напоминало карту глубоких морщин, а руки были сухими и цепкими, как корни старого дуба. Увидев Ленор, она не испугалась, лишь внимательно посмотрела на неё, и в этом взгляде читалось странное понимание.

— Заходи, дитя, — проскрипела Барбора, даже не спрашивая, откуда она бежит. — В такую рань только тени бродят, да бедолаги вроде тебя. В доме пахло сушеными травами и жжёным воском. Барбора налила Ленор крепкого чая, от которого исходил горьковатый аромат полыни. Девушка дрожала, укутавшись в шерстяной платок, и не могла вымолвить ни слова.

— Ты из поместья Мор, верно? — тихо спросила старуха, садясь напротив. — Опять он проснулся. Твой дядя долго держал его в узде, но всему приходит конец. Ленор вздрогнула, чашка в её руках звякнула о блюдце. — Вы… вы знаете Моззеуса?

Барбора горько усмехнулась, и её глаза на мгновение затянуло белесой пеленой. — Моззеус… они называют его так теперь. А сто лет назад его звали Игнациус. Он был величайшим циркачом нашего века. Его фокусы граничили с магией: он мог заставить птиц замертво падать с небес, а людей — рыдать от счастья, лишь взглянув на его выступление. Но славы ему было мало. Он хотел бессмертия. Старушка пододвинулась ближе, её голос стал шепотом, от которого по коже Ленор побежали мурашки. — В самую темную ночь года он пришел на перекресток, где сходятся миры, и заключил сделку с тем, чье имя нельзя произносить вслух. Он продал свою душу не за золото и не за любовь, а за право быть «лицом» самой Тьмы. Он хотел, чтобы его имя помнили вечно, чтобы каждое его представление длилось вечность. Дьявол рассмеялся и дал ему желаемое. Он стер его человеческое лицо, превратив Игнациуса в куклу — вечного клоуна, который питается памятью и страхом, чтобы существовать в промежутках между ударами сердца. Барбора взяла Ленор за руку. Её кожа была ледяной. — Он — это голод, который никогда не насытится. Он не просто хочет твоей души, Ленор. Он хочет, чтобы ты стала сценой, на которой он будет выступать перед другими потерянными душами, которых он заманит в свой «цирк».

— Как мне остановить его навсегда? — спросила Ленор, чувствуя, как внутри неё начинает пульсировать тот самый холод, что остался после схватки в кабинете. Барбора медленно покачала головой, глядя в окно, где начинал подниматься туман. — Чтобы убить тень, нужно уничтожить её источник. Игнациус не ушел. Он спрятал свое настоящее, человеческое сердце где-то глубоко в корнях поместья. Пока оно бьется, он будет возвращаться. Но будь осторожна, девочка: тот, кто ищет сердце чудовища, рискует найти там свое собственное. Ленор поняла: она не сбежала. Она лишь начала самую опасную партию в своей жизни.

6

Узоры на стекле

Дом Барборы жил своей, особой жизнью. Стены его, казалось, были сложены не из дерева, а из спрессованных воспоминаний: повсюду висели связки засушенных полевых цветов, чей аромат сменялся запахом старой бумаги и влажной земли. Вместо ламп под потолком покачивались выдолбленные тыквы с прорезями, внутри которых дрожало живое пламя, отбрасывая на стены причудливые, танцующие тени. Сама Барбора была похожа на часть этого дома. Её спина, согнутая дугой, напоминала старую ветвь, а глаза, скрытые за пеленой бельма, казалось, видели не комнату, а саму ткань пространства. Её пальцы — узловатые, испачканные в чернилах и пыли — двигались с какой-то ритуальной точностью.

— Пей, — мягко сказала она, пододвигая Ленор чашку с отваром, который переливался, словно расплавленный янтарь. — Это не лекарство, а воспоминание о том, каково это — быть живой. Ленор обхватила чашку обеими руками, чувствуя, как тепло просачивается в её онемевшие пальцы. Она посмотрела на старушку, в чьем взгляде не было жалости, только глубокая, бесконечная усталость.

— Барбора, — тихо начала Ленор, — я чувствую, что теряю себя. С тех пор как я вошла в то поместье, я — будто зеркало, в котором отражается только чужой кошмар. Я боюсь, что если загляну вглубь себя, то не увижу там ничего, кроме пустоты, которую оставил после себя этот… этот клоун. Барбора медленно кивнула, отставляя в сторону прялку, с которой тянулась нить, подозрительно похожая на человеческий волос.

— Мы все боимся пустоты, дитя, — голос старухи звучал как шорох листвы. — Но ты думаешь, что твоя истинная сущность — это то, что осталось после того, как он коснулся тебя? Нет. Ты — это то, что сопротивляется. Ты — это тот первый крик, который ты издала, когда увидела его улыбку.

— Но я ведь слабая, — Ленор опустила глаза. — Я просто обычная девушка, у которой не осталось ничего, кроме долгов и старого дома. Разве я могу противостоять тому, кто продал душу вечности?

Барбора подошла к ней и бережно коснулась её подбородка. Её рука была холодной, но прикосновение — на удивление нежным.

— Быть собой — это не значит быть сильной, Ленор. Быть собой — значит позволить себе быть *настоящей*. Со своими страхами, со своими ошибками, со своей горечью. Моззеус питается масками. Он питается тем, что мы прячем от мира, пытаясь казаться «правильными» или «сильными». Как только ты принимаешь свою тьму как часть своей истории, а не как пятно на репутации, он теряет над тобой власть.

— Я так хочу просто быть Ленор, — прошептала девушка, и по её щеке скатилась слеза. — Без проклятий, без зеркал, без этого бесконечного «представления».

— И ты будешь, — ответила Барбора, глядя прямо в глаза Ленор, хотя её зрачки были мутными. — Но путь к себе часто лежит через те места, которые мы больше всего хотим забыть. Не беги от поместья. Ты не должна возвращаться туда как жертва. Ты должна вернуться туда как владелица. Это твой дом, твой род, твоя история. Ты — не гостья в этом мире, Ленор. Ты — его полноправная хозяйка, даже если твой дом построен на развалинах кошмара. Ленор почувствовала, как внутри неё — где-то в самой глубине сердца — что-то тихо щелкнуло. Этот холод, оставленный Моззеусом, начал отступать, сменяясь гулким теплом решимости. Она поняла, что Барбора права: пока она бежит, она лишь актер в чужой пьесе. Но если она

примет то, что произошло — и свою боль, и свою близость к бездне — она сможет написать собственный финал.

— Завтра, — твердо сказала Ленор, глядя на танцующие тени, — я вернусь туда. Не для того, чтобы сражаться, а для того, чтобы закончить пьесу. Барбора лишь едва заметно улыбнулась, и в этот момент в камине вспыхнуло ярко-синее пламя, осветив лицо старушки так, что на мгновение Ленор показалось, будто у неё нет лица, а лишь пустота, заполненная звездным светом.

— Хорошо, — шепнула Барбора. — Но помни: сцена всегда готова, вопрос лишь в том, кто держит в руках сценарий.

7

Нити забытого договора

Ночь сгустилась над лесом, превратив его в монолитную стену черноты. В доме Барборы воздух стал тяжелым, наэлектризованным. Старуха развела в центре комнаты небольшой костер, хотя в очаге уже горел огонь. Она не использовала дрова; в пламени сгорали пучки сушеной полыни, корень мандрагоры и что-то, пахнувшее как старое железо и озон.

— Встань в круг, — скомандовала Барбора. Её голос перестал быть старческим, в нём зазвучали металлические нотки, будто говорила не женщина, а сама земля. Ленор послушно шагнула в очерченный мелом круг. Барбора начала медленно обходить её, выпевая слова на языке, который казался Ленор болезненно знакомым, но лишенным грамматики — это был поток звуков, вибрирующих в такт человеческому пульсу.

— Мы не просим защиты у богов, ибо они давно оставили этот мир, — шептала Барбора, высыпая на пол горсть пепла. — Мы просим силы у того, что всегда было под ногами. У корней, у камня, у той тьмы, которая была первой. Барбора остановилась за спиной девушки. Она взяла руку Ленор и острым, как бритва, обломком обсидиана провела тонкую черту по её ладони. Кровь, яркая и горячая, упала на сухую траву, лежащую в центре круга. В этот же миг пламя костра взметнулось вверх, окрашиваясь в пронзительно-синий цвет.

— Ты — последняя из рода Мор, — торжественно провозгласила старуха, прикладывая ладонь к лбу Ленор. — Твоя кровь — это ключ. Но чтобы запереть дверь, которую открыл Игнациус, тебе нужно стать больше, чем просто плотью и костью. Барбора вытащила из-под одежды предмет, завернутый в кусок выделанной кожи. Это был не амулет и не украшение. Она развернула сверток, и Ленор увидела небольшую фигурку, вырезанную из древесины, которая казалась одновременно и живой, и окаменелой. Это было подобие человеческого сердца, пронизанное серебряными иглами, образующими сложный, геометрический узор.

— Это «Сердце Свидетеля», — голос Барборы стал сухим, как пергамент. — Когда-то этот предмет принадлежал первому из твоих предков, кто заключил пакт с пустотой, чтобы спасти свой народ от мора. Он отдал свое сердце, чтобы запереть хаос в четырех стенах. Теперь сердце вернулось к хозяйке. Барбора вложила амулет в руку Ленор. Девушка почувствовала, как фигурка пульсирует в её ладони — мерный, тяжелый стук, который сливался с её собственным сердцебиением.

— Носи его на груди, — наставляла старуха, вглядываясь в пустые глаза Ленор. — Если Моззеус попытается снова затянуть тебя в свой сон, сожми его так сильно, чтобы иглы впились в твою кожу. Боль — это единственное, что связывает нас с реальностью, когда мир вокруг начинает таять. Но помни, Ленор: это не защита, это якорь. Он удержит тебя в этом мире, но он же сделает тебя целью. Моззеус почувствует запах крови и металла. Он будет охотиться за своим сердцем, потому что без него он — лишь рассеянное эхо. Ленор надела оберег на кожаный шнурок. Фигурка, коснувшись кожи, отозвалась коротким, обжигающим уколом, словно приветствие.

— Зачем ты помогаешь мне, Барбора? — спросила Ленор, глядя на старуху, чьи черты лица в свете синего пламени стали почти прозрачными. Барбора горько усмехнулась. — Потому что однажды я уже совершила ошибку. Я была той, кто открыл Игнациусу дорогу к твоему дяде. Я думала, что он принесет нам искусство, что он развеселит эту проклятую землю. Я плачу за эту ошибку уже второе столетие. Моё время вышло, Ленор. Твоё — только начинается. Пламя костра внезапно опало, оставив после себя лишь горстку серого пепла. В доме воцарилась тишина, такая глубокая, что Ленор слышала только своё дыхание и странный, едва

уловимый перестук внутри амулета. Барбора отвернулась к окну, и Ленор увидела, что за стеклом, в полной темноте сада, неподвижно стоят десятки белесых фигур, дожидаясь рассвета.

— Иди, — прошептала старуха. — В поместье тебя уже ждут.

8

Архитектура безумия

Когда Ленор переступила порог поместья Мор, дверь за её спиной не просто захлопнулась — она исчезла, оставив на своём месте гладкую, холодную стену. Дом изменился. Больше это не было жилое здание; особняк превратился в живой, пульсирующий организм, жаждущий сломать волю своей новой хозяйки. Коридор, который она помнила, растянулся в бесконечную анфиладу комнат, где каждый дверной проем вел в пространство, не подчиняющееся законам физики. Стены покрылись влажными обоями, которые шевелились, как кожа, а рисунок на них — витиеватые цветы — начал медленно распускаться, обнажая крошечные человеческие лица, шепчущие её имя.

— Ленор… мы так ждали тебя… Ленор…

Она двинулась вперед, сжимая в руке амулет. «Сердце Свидетеля» обжигало грудь, не давая сознанию окончательно утонуть в наваждении. Первым препятствием стала галерея предков. Живописные портреты на стенах пришли в движение. Граф Мор, суровый старик с пронзительным взглядом, сошел с холста, его плоская, масляная фигура обрела объем. Он преградил ей путь, размахивая шпагой, которая оставляла в воздухе черные, кровоточащие разрезы.

— Ты не достойна этого дома! — грохотал он, и его голос звучал как скрежет металла по камню. — Ты — позор рода! Ты — та, кто принесет лишь забвение!

Ленор зажмурилась, чувствуя, как стены начинают сжиматься, стремясь раздавить её. Из углов высыпали ожившие игрушки: фарфоровые куклы с выбитыми глазами, которые передвигались рывками, как сломанные механизмы. У одной из них, в рваном балетном пачке, в руках был окровавленный нож. Они обступили её плотным кольцом, выкрикивая её самые сокровенные страхи: голос матери, обвиняющий её в своей гибели, шепот дяди Августа, умоляющего о смерти, её собственные мысли о никчемности и одиночестве. Это была психологическая осада. Дом транслировал прямо в её мозг воспоминания, искаженные до неузнаваемости. Она видела, как в соседней комнате падает её машина, как она сама превращается в безликую куклу, как её имя стирается из памяти людей.

— Ты никто, — доносился отовсюду голос Моззеуса, теперь лишенный насмешки, холодный и безличный. — Ты просто пыль в театре вечности. Сдайся. Просто закрой глаза и стань частью коллекции. Пол под ногами превратился в зыбучий песок. Ленор почувствовала, как её ноги начинают увязать в чем-то вязком, напоминающем засохшую краску. Картины-существа тянули к ней руки, игрушки вонзали в её ноги свои крошечные, острые пальцы. Она начала терять ориентацию. Комнаты множились, коридоры закручивались в спирали, ведущие в никуда. Зеркало, которое она должна была найти — тот самый проход к сердцу Игнациуса — постоянно меняло местоположение, мелькая за спинами монстров, дразня её своим холодным блеском. Ленор закричала, но звук утонул в безумном хохоте дома. Она была на грани. Её разум уже готов был треснуть, приняв эту ложь за истину, когда амулет на груди внезапно пульсировал с такой силой, что её пронзила острая, нестерпимая боль. *«Боль — это якорь». *

Сжав фигурку в кулаке, она позволила серебряным иглам впиться в ладонь. Горячая кровь брызнула на пол. Боль прояснила её сознание, как удар ледяной воды.

— Это нереально! — выкрикнула она, глядя прямо в глаза ожившему портрету графа. — Всё это — лишь декорации! Ты пытаешься напугать меня, чтобы я не увидела пустоту за твоими кулисами!

Она рванулась вперед, не обращая внимания на игрушек, которые впивались ей в одежду. Она шла сквозь тени, сквозь искаженные лица, сквозь саму ткань своего страха. Она знала: пока она осознает, что это игра, она остается хозяйкой сценария. Дом взвыл, стены начали осыпаться, открывая за собой истинную, пустую суть поместья Мор. Она приближалась к цели, но знала — самое страшное ждало её впереди, когда она встретится с ним лицом к лицу в его истинном обличье.

9

Зеркальный лабиринт памяти

Ленор бежала сквозь коридор, который стремительно терял очертания. Стены пульсировали, как вены, а вместо окон появились прорези, за которыми виднелась бесконечная, чёрная пустота — космос, где вместо звёзд плыли ошметки забытых жизней. Она знала, что зеркало, ведущее к сердцу Моззеуса, где-то рядом. Но дом решил нанести последний удар. Вдруг коридор закончился огромной залой, пол которой был выложен тысячами осколков зеркал. В каждом из них отражалась Ленор, но не та, что стояла здесь, а десятки других: Ленор-ребенок, плачущая у гроба родителей; Ленор, стоящая на краю моста; Ленор, которая уже сдалась и теперь сидит на троне из костей, с гримом на лице.

— Выбери свою правду, хозяйка, — раздался голос из всех зеркал одновременно. Это был голос её матери, голос дяди, голос её самой из прошлого. Фигуры в зеркалах начали выходить наружу. Это не были тени или монстры — это были она сама, её собственные версии, рожденные из тех решений, которые она *могла бы* принять, если бы струсила, если бы ушла, если бы поверила в безнадежность. Они окружили её. Их руки, холодные и бледные, потянулись к её лицу, пытаясь снять кожу, чтобы занять её место.

— Зачем бороться? — шептали отражения. — Мы — это ты. Мы — те, кто выбрал покой. Мы — те, кто принял тьму, чтобы не чувствовать боли. Ленор задрожала. Искушение было невыносимым. Стать одной из них — значит перестать чувствовать этот проклятый холод, перестать нести ответственность за свой род, перестать быть человеком, который обречен на страдание. Она посмотрела на свои руки, израненные и окровавленные от игл амулета, и увидела, как в них проступает странное сияние — свет, который она сама в себе не замечала. Она поняла: это ловушка не на выносливость, а на самоидентификацию. Дом хотел, чтобы она поверила, что её боль — это слабость, а не суть.

— Я не выбираю покой, — сказала Ленор, и её голос эхом разнесся по залу, заставив зеркала задрожать. — Я выбираю себя. Со всей моей болью. Со всеми моими шрамами. Вы — не я. Вы — тени, которые питаются моим страхом. Она резко сжала «Сердце Свидетеля». Иглы глубоко вошли в её ладонь, и кровь, окропившая пол, вдруг вспыхнула ярким, золотым светом. Свет ударил в осколки зеркал. Отражения закричали — нечеловеческим, механическим звуком. Они начали рассыпаться в пыль, превращаясь в прах, который вихрем подхватило неведомым потоком воздуха. Зал начал рушиться. Зеркальный пол треснул, обнажая под собой… не подвал, а бесконечное небо. Ленор увидела его. В центре пустоты, парящее в воздухе, висело огромное зеркало, в котором не было отражения. Внутри него, в самом центре, билось нечто тёмно-алое, окруженное цепями, сплетенными из чистого эха. Это было сердце Игнациуса. Существо, когда-то бывшее клоуном, возникло перед ней. Оно больше не принимало форму клоуна или Бездны. Оно выглядело как искаженный силуэт самой Ленор, но без лица — лишь гладкая, зеркальная поверхность вместо головы. *«Ты уничтожишь меня, и ты исчезнешь вместе со мной», * — проскрежетал голос внутри её головы. — *«Этот дом — твоя тюрьма. Если я умру, реальность схлопнется». *

Ленор сделала шаг к зеркалу, чувствуя, как реальность вокруг неё начинает плавиться, превращаясь в сюрреалистический кошмар. Она знала, что он блефует, но также знала: он может потянуть её за собой в небытие. Она подняла амулет, который теперь светился тем же золотым светом, что и её кровь.

— Я готова заплатить за свободу, — ответила она. — Даже если она будет стоить мне всего.

10

Финальный акт

Зеркало, парящее в пустоте, вибрировало, издавая низкий, утробный гул, от которого у Ленор лопались капилляры в глазах. Зеркальное существо — её собственная изуродованная копия — занесло руку, готовясь нанести удар, но Ленор уже не дрожала. Она видела нити, связывающие монстра с домом, с каждой доской, с каждым проклятым воспоминанием.

— Ты не существуешь, Игнациус, — голос Ленор прозвучал на удивление спокойно. — Ты лишь эхо боли, которую некому было простить. Она не стала нападать на зеркального двойника. Вместо этого Ленор совершила то, чего никто из рода Мор до неё не решался сделать: она не ударила зеркало, она шагнула *в него*. В тот же миг мир перевернулся. Она оказалась внутри — в пространстве, где время было застывшей патокой. Перед ней, в центре этой вязкой тишины, пульсировало сердце. Оно не было органом из плоти. Это был сплетенный из миллионов нитей памяти сгусток — здесь были слёзы сотен людей, их страхи, их последние вздохи, их забытые мечты. Моззеус-Игнациус питал своё величие чужими жизнями. Существо бросилось следом, его зеркальные ладони тянулись к её горлу, но внутри «зеркала» оно было лишь отражением, лишённым силы. Ленор подняла «Сердце Свидетеля» — оберег, который Барбора дала ей как якорь. Но теперь она поняла истинное предназначение предмета. Это был не амулет. Это был ключ к переписыванию сценария. Она приложила амулет к пульсирующему сгустку.

— Я не уничтожу тебя, — прошептала Ленор, и её голос наполнил пустоту, становясь законом. — Я верну тебе твоё Имя. Серебряные иглы амулета вонзились в сгусток, и начался катарсис. Ленор почувствовала, как через неё проходят века. Она видела Игнациуса — не клоуна, а талантливого юношу, который любил жизнь, но испугался смерти. Она чувствовала его отчаяние, его жажду признания, которая превратилась в монструозный голод. Она прощала его. Не как хозяйка, а как та, кто понимает, что тьма — это лишь отсутствие света, а не враг. Зеркальное существо перед ней начало терять чёткие контуры. Его зеркальная поверхность треснула, и из-под неё проступило лицо — измученное, человеческое, с глазами, полными слёз. Оно смотрело на Ленор с бесконечным удивлением.

— Зачем? — выдохнуло оно.

— Чтобы пьеса закончилась, — ответила Ленор. Свет, исходивший от амулета, превратился в ослепительный вихрь. Дом Мор содрогнулся в последний раз. Стены, которые веками удерживали ужас, начали растворяться, превращаясь в обычную древесину и пыль. Ожившие картины осыпались краской, игрушки стали просто детскими безделушками. Зеркало — портал — взорвалось мириадами искр. Ленор выбросило наружу. Она упала на траву, в холодную росу утреннего леса. Над головой занимался рассвет, не серый и болезненный, а золотой и чистый. Поместье Мор… оно больше не было поместьем. Огромный особняк превратился в руины, поросшие густым плющом, сквозь которые пробивалось солнце. Никакого тумана, никакого гнёта. Она поднялась на ноги, опираясь на руки. В её ладони лежал амулет — теперь обычный кусок дерева, лишенный всякого магического пульса. Сердце Игнациуса ушло, а вместе с ним ушла и тень, нависшая над её родом. Она была одна. Но впервые за многие недели она чувствовала тишину внутри себя — не пустую и холодную, а глубокую и спокойную. Ленор обернулась на руины. Она знала, что люди в городке скоро забудут о клоуне, и что история её семьи станет лишь мрачной легендой, которую будут рассказывать у костра. И это было хорошо. Она поправила воротник пальто, глубоко вдохнула утренний лесной воздух и пошла

прочь от руин. Она не знала, что ждет её впереди, но точно знала одно: больше никто не будет писать её сценарий.

Эпилог

Прошло три года. Ленор сидела на террасе небольшого дома, утопающего в цветущей глицинии, на самом краю побережья. Здесь, где океан постоянно перемалывал камни в мелкий песок, время казалось текучим и податливым, не имеющим ничего общего с неподвижным ужасом поместья Мор. На столике перед ней лежала книга — чистая, с плотными страницами из хорошей бумаги. Ленор не писала романов, но каждый вечер она записывала то, что видела за день: как меняется оттенок воды перед закатом, как кричат чайки, как пахнет разогретая солнцем хвоя. Это были простые, земные вещи, которые раньше казались ей чем-то обыденным, а теперь были бесценным доказательством её реальности. Иногда, в самые темные ночи, когда луна скрывалась за тучами, она чувствовала старый холод в кончиках пальцев. Но это больше не пугало её. Она знала, что это лишь отголосок, эхо её собственного прошлого, которое стало частью её, но потеряло право диктовать ей жизнь. Она больше не носила тот медный ключ на шее. Она спрятала его в шкатулку, которую не открывала уже давно. Однажды утром, спускаясь к пляжу, она увидела на песке нечто странное. Среди выброшенных морем ракушек и обломков дерева лежал крошечный, идеально круглый осколок зеркала. Он был таким чистым, что в нём отражалось небо — без единой трещины, без тени, без намека на искажение. Ленор замерла. Сердце пропустило удар, и на мгновение она снова почувствовала тот самый запах озона и театрального грима. Она медленно наклонилась, подняла осколок и всмотрелась в него. Там не было клоуна. Там не было Бездны. В зеркале отражалась молодая женщина с ясным, спокойным взглядом, чьи волосы были распущены по плечам, а на губах играла едва заметная, свободная улыбка. В этом отражении не было ни страха, ни груза прошлого — только человек, который наконец-то принадлежит самому себе. Ленор улыбнулась своему отражению. Она не стала бросать осколок обратно в море. Она просто положила его в карман. Мир по-прежнему был полон тайн, и в уголках сознания каждого человека всё ещё прятались тени. Но теперь она знала истину, которой её научила Барбора: тьма — это не то, что снаружи. Это то, чем ты позволяешь себе быть, когда гаснет свет. Ленор пошла дальше вдоль кромки прибоя, оставляя глубокие следы на влажном песке. Она шла вперед, и её шаги были твердыми, размеренными и абсолютно свободными.

Осы

1

Кровавый шёлк над Мёртвыми Выселками

Деревня Мёртвые Выселки полностью оправдывала своё название. Затерянная в глухой тайге, окружённая глухими топями и вечно серым небом, она казалась шрамом на теле земли. Но настоящая катастрофа пришла с неба год назад. Полночный гул не опознанного военного самолёта разорвал тишину, а затем над тайгой и бескрайними лугами пролился маслянистый, пахнущий тухлой медью химикат. Самолёт так и не долетел до базы — он рухнул где-то в трясине, оставив после себя ядовитый след. Смена климата, подстёгнутая аномальной химией, превратила цветущие поля вокруг деревни в кошмар. Тысячи гектаров ромашек, иван-чая и клевера выгорели, превратившись в чёрный, крошащийся пепел. На этих мёртвых пустошах выжили только они. Осы. Танида стояла у окна покосившейся избы, вглядываясь в предзакатные сумерки. Её тёмная кожа, унаследованная от отца-афроамериканца, резко контрастировала со здешней блеклой палитрой, а густые кудрявые волосы были стянуты в тугой узел. Она прижимала к груди старый дробовик. Наступала ночь, и выжженные поля за окном начинали оживать. В темноте они не были чёрными. Они фосфоресцировали. Тысячи ярко-алых точек с неестественными белыми полосами поднимались от земли, заливая окрестности зловещим неоновым светом. Внешне это были обычные осы, если не считать их дьявольского окраса и люминесценции. И они не просто собирали нектар. Они собирали людей.

2

Гниение изнутри

В углу комнаты на железной кровати хрипела бабушка Мантира. Местная знахарка, приютившая Таниду, увядала на глазах. Три дня назад её ужалила одна из неоновых тварей. «Они не убивают, Тани…» — прошелестела Мантира, её глаза были подёрнуты мутной белёсой плёнкой. — «Они… переписывают. Я слышу их гул. У себя в голове. Они строят…»

Танида подошла к ней, и её сердце пропустило удар. На шее Мантиры, прямо под челюстью, кожа истончилась, став полупрозрачной. Сквозь неё просвечивали шестиугольные, как соты, ячейки. Изнутри доносилось едва различимое, сводящее с ума жужжание. Ужас сковал Таниду, но ещё страшнее было то, что она чувствовала сама. Вчера на пепелище её тоже ужалили в плечо. Сейчас лопатки невыносимо чесались. Сорвав с себя куртку, Танида повернулась к осколку зеркала. Из её спины, разрывая плоть, но не проливая крови, медленно прорезались два длинных, слюдяных, абсолютно прозрачных осиных крыла. Внешне она всё ещё оставалась человеком, но её тело запускало страшную метаморфозу. Вдруг в дверь постучали. Раз, ещё раз. Ровно. Ритмично. По-насекомьи.

3

Ложные люди

Танида вскинула дробовик и подошла к двери. В щель между досками она увидела соседа — дядю Митяя. Он стоял на крыльце, покачиваясь с пятки на носок. Его лицо было бледным, а челюсть двигалась как-то неестественно, словно ею управляли изнутри нитями.

— Танида, — раздался его голос. Он был сухим, лишённым интонаций, с лёгким свистящим привкусом. — Выйди. Надо помочь. Мы строим Гнездо. Нам нужны руки. Нам нужны ячейки.

— Уходи, Митяй! — крикнула Танида, сдерживая дрожь. Крылья за её спиной дёрнулись, издав едва слышный сухой шелест. — Ты не Митяй!

— Митяя больше нет. Есть Семья, — ответило существо за дверью. В этот момент луна вышла из-за туч, и Танида вскрикнула. В темноте глаза соседа вспыхнули неоновым алым светом. Осы уже заменили его органы, его нервную систему, превратив человеческую оболочку в ходячий улей. Мёртвые Выселки больше не принадлежали людям. Деревня превращалась в гигантский, пульсирующий инкубатор. Из труб соседних домов шёл не дым, а вылетали миллиарды алых искр. Вся деревня перестраивалась в монолитную сотовую структуру из пережёванной древесины и плоти.

4

Формула спасения

— Тани… — слабо позвала Мантира. — Самолёт… В болоте, в трёх верстах к северу. Военные везли… антидот. На случай, если химия породит… это. Беги. Моё время вышло.

— Я не оставлю тебя! — со слезами на глазах Танида обернулась.

— Ты уже не совсем человек, — Мантира горько улыбнулась, обнажая чернеющие дёсны. — Но если ты найдёшь химикат, ты выжжешь их матку. И спасёшь себя. Беги!

Дверь затрещала. Дядя Митяй начал ломать доски руками, которые гнулись под неестественными углами. Из его рта, открывшегося слишком широко, вылетела первая неоновая оса. Танида бросилась к окну. Толкнув раму, она выпрыгнула в холодную ночь. На секунду её новые крылья инстинктивно расправились, поймав поток воздуха, и она пролетела несколько метров над горящим неоном пепелищем, прежде чем тяжело рухнуть на колени. Метаморфоза давала ей силу, но забирала человечность. Времени оставалось мало. Гудение миллионов крыльев за спиной сливалось в единый, торжествующий хор. Танида сжала дробовик крепче и побежала на север, вглубь зловонных болот, ведомая алым сиянием собственной мутации и безумной надеждой на спасение. Ужас только начинался, и Мёртвые Выселки готовы были поглотить последнего человека.

5

Чёрные топи и шёпот Семьи

Болото встретило Таниду гнилостным хлюпаньем и удушливым туманом. Ноги тонули в склизком мху, а каждый шаг отзывался резкой болью в спине — её новые крылья судорожно дёргались, реагируя на ночную сырость. Метаморфоза ускорялась. Кожа на пальцах рук начала грубеть, превращаясь в плотный, почти чёрный хитиновый покров, а в ушах, заглушая хлюпанье трясины, нарастал монотонный низкочастотный гул. Рой звал её. Он звал её домой, в новое Гнездо.> «Возвращайся, сест-тра…» — шуршал ветер в камышах голосом дяди Митяя. Или это был её собственный внутренний голос? — «Зачем бороться с неизбежным? В Семье нет боли. Только общий разум. Только покой».

— Заткнитесь! — крикнула Танида в пустоту, сжимая рукоять дробовика так, что затрещали суставы. — Я человек. Я найду эту чертову сыворотку!

Вспышка алого неона впереди заставила её пригнуться. Мертвенный свет исходил не от одиночных особей, а от огромного хвоста упавшего самолёта. Разломленный пополам бомбардировщик увяз в трясине, задрав обрубок крыла к небу, словно сломанный крест. Но он не был пуст. Вокруг фюзеляжа уже копошились «ложные люди» — бывшие жители Мёртвых Выселок. Полуголые, с деформированными конечностями, они обмазывали обломки металла серой, похожей на застывшую слюну бумажной массой. Они строили здесь форпост.

6

Стальное брюхо чудовища

Таниде пришлось ползти сквозь камыш, едва удерживая крылья прижатыми к спине, чтобы их прозрачный блеск не выдал её в темноте. Осы внутри неё бились в экстазе от близости к источнику их происхождения, и девушке стоило титанических усилий воли не подняться во весь рост и не пойти к сородичам. Она проскользнула внутрь разорванного брюха самолёта через дыру в обшивке. Внутри пахло старым авиационным топливом и концентрированной смертью — тем самым медным химикатом. В кабине пилотов, затянутой густой, светящейся паутиной, сидели два скелета в полусгнившей форме. Их кости были вычищены до блеска, а черепа изнутри светились ровным алым огнём. Они стали первыми инкубаторами. Среди разбитых приборов и оборванных проводах Танида заметила массивный армейский кейс с эмблемой биологической угрозы. Замки заржавели, но её новые, полухитиновые пальцы с неестественной силой просто сорвали их. Внутри, в поролоновых гнёздах, лежали шесть ампул с вязкой синей жидкостью и тяжёлый металлический шприц-пистолет. На крышке кейса была наклейка:>

**«Проект «Анти-Веспа». Нейтрализатор мутагенного штамма Х-22. Вводить внутримышечно при первых признаках ассимиляции». **

— Есть… — выдохнула Танида, но её триумф прервал жуткий звук. Сзади, из глубин фюзеляжа, послышался хруст выворачиваемых суставов. В проходе стоял пилот. Точнее то, что от него осталось. Его плоть превратилась в сплошной неоновый кокон, из которого вместо лица торчали гигантские фасеточные глаза, а вместо рта судорожно шевелились жвала.

7

Выбор королевы

— Ты опоздала, маленькая матка, — проскрежетало существо. Из его груди, пробив рёбра, вырвались огромные, покрытые ворсинками лапы. — Ты уже наша. Твоя кровь горит нашим ядом. Прими Семью. Пилот ринулся на неё с поразительной скоростью. Танида инстинктивно вскинула дробовик и выстрелила в упор. Заряд дроби разнёс грудную клетку твари, выплеснув фонтан светящейся сукровицы и сотни разъярённых ос. Но существо даже не покачнулось. Насекомые внутри него мгновенно начали стягивать рану, заделывая её живым копошащимся ковром. Танида поняла: стрелять бесполезно. Она схватила шприц, вогнала в него ампулу с синей жидкостью и, не колеблясь, вонзила иглу себе прямо в шею, в основание пульсирующей сотовой опухоли. Боль была такой, словно в жилы залили жидкий азот. Танида закричала, падая на колени. Синий антидот вступил в яростную реакцию с алым мутагеном. Её крылья за спиной начали дымиться и чернеть, усыхая прямо на глазах. Хитин на пальцах трескался, со свистом выпуская ядовитый пар. Пилот-монстр замер, издав высокий, полный ярости ультразвуковой писк. Ложные люди снаружи прекратили работу и одновременно повернули головы к самолёту. Очищение Таниды причиняло боль всему Рою.

— Ах вы твари… — прохрипела Танида, её человеческие глаза снова стали карими, а зрение потеряло фасеточную раздробленность. — Получите свою дозу. Она схватила оставшиеся ампулы, разбила их о металлический пол самолёта и подожгла разлитый вокруг авиационный керосин зажигалкой, которую нашла на приборной панели.

8

Пепел над Мёртвыми Выселками

.Взрыв осветил болото ярким, ядовито-синим пламенем. Антидот, испаряясь в огне, превратился в токсичное для мутировавших ос облако. Синий дым мгновенно накрыл ложных людей, заставляя их оболочки замертво падать в грязь, пока осы внутри них сгорали заживо. Таниду выбросило взрывной волной в трясину. Оглушённая, обгоревшая, но свободная от чужого разума, она с трудом поднялась на ноги. На её спине остались лишь уродливые шрамы — крылья сгорели до самого основания. Метаморфоза была остановлена, но какой ценой?

Она ковыляла обратно к деревне через выжженные поля. Неоновое свечение угасало. Осы гибли тысячами, падая в пепел, словно остывающие искры фейерверка. Когда Танида дошла до избы, на пороге её ждала тишина. Дядя Митяй лежал на крыльце — безжизненная, пустая человеческая кукла. Она вбежала в комнату. Бабушка Мантира лежала на кровати. Соты на её шее спались и высохли, оставив лишь серые следы. Она не дышала. Антидот уничтожил Рой, но изношенное сердце старой женщины не выдержало прекращения симбиоза. Танида упала на колени перед кроватью, сжимая холодную руку Мантиры. За окном Мёртвые Выселки погружались в настоящую, мёртвую темноту. Больше никакого гула. Никакого неона. Только пепел, ветер и выживший человек среди безмолвного кладбища.

— —

Катастрофа завершилась, но шрамы на теле земли и в душе Таниды остались навсегда.

9

Фантомный гул

Прошел месяц. Мёртвые Выселки окончательно превратились в призрак, погребенный под слоем серого пепла, который не смывали даже редкие тяжелые дожди. Военные так и не пришли — правительство, по-видимому, списало глухой регион со счетов еще тогда, когда первый ядовитый туман коснулся крон тайги. Танида осталась одна. Город, точнее то, что от него осталось, пугал её меньше, чем тишина. Она заколотила окна избы Мантиры, оставив лишь узкие щели для обзора, и обустроила оборонительный пост. Каждое утро начиналось одинаково. Танида подходила к осколку зеркала, медленно стягивала старую отцовскую куртку и поворачивалась спиной. Там, где раньше пробивались прозрачные слюдяные крылья, теперь бугрились уродливые, багрово-черные шрамы, напоминающие сожженную кору дерева. Хитин сошел с её пальцев, оставив кожу сухой и огрубевшей. Метаморфоза прекратилась физически, но… не ментально. Она налила в кружку горький отвар из остатков запасов Мантиры. Рука едва заметно дрожала.> — Ты справилась, Тани, — прошептала она в пустоту, пытаясь убедить саму себя. — Ты сожгла их. Твоя кровь чиста. Но стоило ей закрыть глаза, как в глубине черепной коробки, прямо за надбровными дугами, зарождалась едва уловимая вибрация. Это не был физический звук. Это был фантомный эхо-сигнал — обрывок чужой нейросети, который антидот не смог выжечь до конца. Ей казалось, что она до сих пор чувствует, где под землей остывают мертвые соты, и как глубоко в лесу, на границе топей, шевелятся редкие уцелевшие коконы.

10

Последний выживший

Вечером, когда солнце лениво покатилось за черные верхушки сосен, тишину деревни нарушил чужеродный звук. Это был не ровный, насекомоподобный шаг ложных людей и не гудение крыльев. Кто-то тяжело, хромая, волочил ногу по гравию центральной улицы. Танида мгновенно передернула затвор дробовика. Шаги приближались к её крыльцу. Она прильнула к щели в ставнях. Через двор шел парень — один из местных лесорубов, Егор. Его одежда была разорвана, лицо покрыто грязью и запекшейся кровью. Он тяжело дышал, хватаясь за забор.

— Танида!.. — хрипел он, с трудом ворочая сухим языком. — Тани… если ты жива… открой. Пожалуйста. Они… они возвращаются. Танида замерла. Сердце бешено колотилось в груди. Её внутренний «компас», этот проклятый фантомный гул в голове, внезапно среагировал на приближение Егора. Но сигнал был странным — он не был монотонным, как у слуг Роя. Он был прерывистым, паническим. Она приоткрыла дверь, не снимая дробовик с предохранителя и держа ствол на уровне его груди.

— Стой где стоишь, Егор, — холодно скомандовала она. — Покажи руки. Подними глаза. Егор послушно поднял дрожащие ладони. На них не было хитина. Он посмотрел на неё — его глаза были полны неподдельного, чисто человеческого ужаса. Никакого алого неона. Только лопнувшие от усталости капилляры.

— Меня… меня завалило на старой пилораме, когда все началось, — быстро, захлебываясь словами, заговорил он. — Я отсиживался в подвале. Там были осы, Тани… Но они… они начали падать и дохнуть пару недель назад. Синий дым с болот дошел и туда. Но сегодня… сегодня что-то изменилось.

11

Гнездо не умирает

Танида опустила ствол на пару сантиметров, всматриваясь в его лицо.

— Что ты видел? — спросила она, чувствуя, как шрамы на её лопатках внезапно обожгло острой, тянущей болью.

— На южной окраине, у старого карьера… — Егор сглотнул, его затрясло. — Тела. Тела тех, кто… кто изменился. Они не сгнили. Они сползаются туда. Сами. Без крыльев. Они тащат землю, камни. Они строят что-то огромное под землей. Королева… она не погибла в самолете, Танида. Самолёт был просто переносчиком. Настоящая Матка всё это время была внизу, в старых шахтах карьера. И сейчас она… она призывает остатки. В этот момент гул в голове Таниды превратился в оглушительный, пронзительный свист. Она покачнулась, ухватившись за косяк двери. Перед глазами на долю секунды вспыхнула мозаичная, разбитая на тысячи сот картинка: темное подземелье, пульсирующие биомассой стены и гигантское, лоснящееся алобелым хитином брюхо, рождающее новые личинки. Личинки, которые были не просто осами. Они были больше. Адаптированными. Им больше не нужен был химикат — они приспособились к новому климату земли. Матка звала свою «маленькую матку». Она звала Таниду. Егор сделал шаг вперед, протягивая к ней руку: — Тани, что с тобой? Твои глаза…

Девушка резко отпрянула и посмотрела в осколок зеркала, висевший в сенях. Из глубины её карих зрачков, прямо из самой темноты человеческого глаза, медленно разгоралась крошечная, но отчетливая, неоново-алая точка.

12

Наперегонки со временем

Антидот лишь временно заглушил инфекцию. Пока Матка была жива, её ментальный призыв медленно, но верно восстанавливал разрушенные соты внутри выживших носителей. Танида поняла: её человеческое время истекает. Скоро шрамы на спине снова вскроются, и в этот раз она уже не сможет нажать на спусковой крючок. Она повернулась к Егору. Её лицо снова стало жестким, решительным. Внутри неё боролись две сущности, но человеческая воля Таниды, закаленная кровью отца и мудростью Мантиры, пока удерживала контроль.

— У нас мало времени, Егор, — сказала она, вынося из дома тяжелую сумку с остатками патронов и охотничьим ножом Мантиры. — На пилораме остался бензин? Или горючее для тракторов?

— Да… пара бочек в ангаре была заперта, — парень удивленно моргнул. — Что ты задумала?

Танида затянула ремень дробовика на плече и посмотрела в сторону южного карьера, над которым небо уже окрашивалось в едва заметный, зловещий розоватый оттенок. Она чувствовала, как внутри её мышц, подчиняясь чужой воле, начинает пульсировать неестественная, насекомая сила.

— Мы пойдем туда и закончим это. Если я начну меняться… если мои глаза станут красными, Егор… ты пустишь мне пулю в затылок. Обещай мне это. Егор посмотрел на её шрамы, на вспыхивающий алый огонек в её глазах, и медленно, тяжело кивнул. Два последних человека Мёртвых Выселок сошли с крыльца и растворились в пепельных сумерках, направляясь к сердцу рождающегося подземного улья. Противостояние переходило на финальный, самый глубокий уровень.

13

Саван из бензина

Путь до пилорамы казался бесконечным. Ночная тайга дышала мертвенным холодом, а под ногами хрустел не снег, а плотный слой серого пепла. Танида шла впереди, её шаг становился всё более рваным и резким. Каждые несколько метров она замирала, её голова дергалась вправо, словно она прислушивалась к командам, которые не слышал Егор.

— Она… она знает, что мы идём, — прохрипела Танида. Голос её изменился, в нём появились сухие, шуршащие обертоны. — Она не боится. Она ждёт меня. Она думает, что я несу ей новую кровь. Ангар пилорамы встретил их гробовой тишиной. Повсюду валялись брошенные инструменты, брёвна и высохшие, пустые оболочки ос, погибших от синего дыма. Егор подбежал к углу, где за ржавой сеткой стояли две бочки с дизельным топливом и три канистры с чистым бензином.

— Есть! — выдохнул парень, сбивая замок монтировкой. — Тани, помоги подтащить канистры к старой дрезине. Нам не донести это на себе до карьера. Танида подошла к бочке. Её пальцы, на которых вновь начали проступать темные, глянцевые пластины хитина, обхватили стальной обод. С тихим рыком она в одиночку подняла двухсотлитровую бочку, словно та была сделана из картона, и легко переставила её на платформу дрезины. Егор в ужасе отшатнулся. На долю секунды лунный свет выхватил её лицо: карие глаза афроамериканки были практически полностью затоплены пульсирующим неоновым багрянцем. Человеческими оставались только полные, плотно сжатые губы, из которых вырывалось тяжелое, горячее дыхание.

— Не смотри на меня так, — выплюнула она, стискивая зубы, чтобы сдержать спазм в челюсти. — Горючее на платформу. Живее!

14

Спуск в Брюхо Земли

Старый карьер на южной окраине Мёртвых Выселок выглядел как гигантская воронка, ведущая прямиком в ад. Когда дрезина с грохотом подкатила к краю насыпи, Егор и Танида замерли. Дно карьера кишело. Там не было отдельных существ — это была единая, копошащаяся масса. Тысячи ложных людей, чьи тела уже мало напоминали человеческие, стояли плотными рядами вокруг огромного провала старой шахты. Они работали в абсолютной тишине, нарушаемой лишь хрустом камней и скрежетом их деформированных челюстей. Из провала бил мощный, ослепительный столб алого света. Белые полосы на телах насекомых пульсировали в такт подземному «сердцу». >

«Мы пришли…» — этот вздох пронёсся не по воздуху, он прозвучал одновременно в головах Таниды и Егора. Тысячи фасеточных глаз внизу одновременно повернулись к насыпи.

— Они не нападут, пока я не спущусь, — тихо сказала Танида, сбрасывая канистру с бензином с плеча. Её куртка на спине лопнула. Багровые шрамы раскрылись, и наружу с влажным хрустом вырвались новые крылья — огромные, тяжелые, покрытые редким жестким ворсом. Они были гораздо больше тех, что сгорели на болоте. — Я пойду вниз. Я должна подойти к ней вплотную.

— Тани, нет, это самоубийство! — Егор схватил её за руку, но его пальцы скользнули по холодному хитину. — Мы можем просто скатить бочки вниз и поджечь!

— Дистанционно мы её не достанем. Шахты уходят на километры вглубь, — она посмотрела на него, и в её взгляде мелькнуло последнее, глубоко запрятанное человеческое отчаяние. — Если я не убью её изнутри, Рой адаптируется. Они уйдут из деревни в города. Мой отец… Мантира… все они погибли не для того, чтобы эти твари сожрали мир. Привяжи канистры к дрезине. Мы пустим её под откос прямо в шахту. А я… я направлю её.

15

Шестиугольный трон Королевы

Танида спускалась по склону карьера, волоча за собой тяжелый шприц-пистолет с последней, чудом сохраненной ампулой антидота, которую она нашла в сумке Мантиры. Рой расступался перед ней. Ложные люди падали на колени в пепел, склоняя свои уродливые, лишенные волос и ушей головы. Они приветствовали новую Королеву. Внутри шахты воздух был настолько густым от испарений яда, что человеческие легкие Таниды горели огнем. Стены тоннеля были облеплены пережёванной биомассой, формирующей идеальные, бесконечные шестиугольные соты. В каждой ячейке копошилось нечто белесое и полупрозрачное. В самом центре гигантского подземного грота, нагроможденная на обломки крыла того самого рухнувшего самолета, восседала **Матка**. Она была чудовищна. Пятиметровое, лоснящееся алобелым хитином брюхо непрерывно пульсировало, выдавливая из себя новые коконы. Из её груди росли десятки человеческих рук и ног, сплавленных в уродливые подпорки, а на месте головы находился колоссальный фасеточный нарост, испускающий слепящий неоновый свет.> *«Дочь моя…«* — ментальный удар едва не сбил Таниду с ног. — *«Ты вернулась, чтобы занять трон. Твое человеческое мясо почти истончилось. Преклони колени перед Семьей». *

Танида почувствовала, как её ноги подкашиваются помимо её воли. Крылья за спиной бешено зажужжали, поднимая тучи пепла. Из её рта вырвался сухой, насекомоподобный щелчок. Она почти сдалась. Коллективный разум миллионов особей затапливал её сознание, стирая воспоминания о детстве, об отце, о теплых руках бабушки Мантиры…

«Нет!« — мысленно закричала она, совершая титаническое усилие. — *«Я — Танида!«*

Сверху раздался оглушительный скрежет металла. Егор запустил дрезину. Тяжелая платформа, нагруженная бочками с горючим и обмотанная горящей ветошью, на бешеной скорости влетела в провал шахты, сбивая ложных людей и несясь прямиком в грот.

16

Последняя искра

.Матка издала яростный ультразвуковой писк. Тысячи ос сорвались со стен, пытаясь затормозить летящую махину своими телами, но центнеры железа были неудержимы. Танида рванулась вперед. На секунду её новые крылья оторвали её от земли, придав невероятное ускорение. На лету она вонзила иглу шприца-пистолета с синим антидотом прямо в пульсирующее сердце Матки — в стык между её хитиновым панцирем и биомассой. Синяя жидкость мгновенно впрыснулась в систему Роя. Матку парализовало. Её неоновый свет сменился грязно-серым, а из фасеточных глаз хлынула черная жидкость. Ментальная сеть разорвалась с такой силой, что все ложные люди в карьере одновременно рухнули замертво, лишившись управляющего сигнала. Дрезина с размаху врезалась в брюхо парализованной Королевы. Бочки лопнули, заливая всё вокруг бензином и горючим. Огонь от ветоши мгновенно лизнул маслянистую струю.

— Егор, беги! — крикнула Танида, но её голос потонул в яростном реве вспыхнувшего пламени. Она не побежала. Её ноги, скованные начавшимся из-за антидота некрозом мутировавших тканей, больше не слушались её. Синее и оранжевое пламя смешались, пожирая улей. Танида стояла посреди этого ада, чувствуя, как огонь очищает её тело, сжигая хитин, крылья и саму анамальную заразу до самого основания. Перед тем как закрыть глаза навсегда, она посмотрела вверх, на чистое, глубокое ночное небо, с которого наконец-то ушел ядовитый туман.

— —

На рассвете Егор стоял на краю выгоревшего дотла карьера. Из шахты больше не доносилось ни звука, ни тепла. Мёртвые Выселки наконец-то полностью оправдали свое название, погрузившись в абсолютную, естественную тишину. Кошмар закончился. Пепел медленно оседал на опустевшую землю, хороня под собой последнюю тайну аномального роя.

17

Из пепла и праха

Прошло три дня. Пожар в карьере утих, оставив после себя лишь оплавленный кусок скалы и глубокий провал, пахнущий выжженной химией и гарью. Егор не ушел. Он не мог заставить себя покинуть Мёртвые Выселки, пока не убедится, что пепелище не скрывает новую угрозу. Но внизу царило гробовое молчание. Похожие на сухие листья оболочки ложных людей крошились от малейшего дуновения ветра, превращаясь в серую пыль. Ранним утром, когда бледное солнце наконец пробило вечную пелену туч, Егор спустился на дно карьера. Обугленный остов дрезины намертво вплавился в останки Матки. От пятиметрового чудовища остался лишь закопченный, растрескавшийся хитиновый панцирь, напоминающий пустой сгоревший кокон. Егор искал Таниду. Он надеялся найти хотя бы обгоревший затвор её дробовика или тяжелый армейский нож Мантиры.> — Тани… — тихо позвал он, и его голос мертвым эхом отскочил от сотовых стен грота. Вдруг на границе выгоревшего пятна, там, где земля смешивалась со склизкой болотной жижей, пепел шевельнулся. Егор вскинул ружье, сердце бешено заколотило в ребра. Из серой насыпи медленно поднялась рука. Кожа на ней была покрыта страшными волдырями и копотью, но это была *человеческая* кожа — без единого следа глянцевого черного хитина. Егор бросился вперед, падая на колени и судорожно разгребая пепел. Под ним лежала Танида. Измученная, дышащая с хрипом, но живая. Огонь и антидот, соединившись, сотворили невозможное: они выжгли саму суть Роя, когда Матка погибла, вернув телу девушки его первоначальную природу. На её спине, между лопатками, больше не было крыльев — лишь чистые, ровные шрамы, которые больше не чесались и не пульсировали. Она медленно открыла глаза. Они были глубокого карего цвета. Абсолютно чистые. Без намека на неоновый багрянец.

— Егор… — прошептала она сухими губами. — Тишина. Гул… он пропал.

Дополнительные сведения

проэкт психея-9

Проект «Психея-9» (Природа токсина)

Химикат, который перевозил самолёт, не был банальным пестицидом или нервно-паралитическим газом. Это военное биооружие нового поколения — синтетический ретровирусный мутаген «Психея-9». Принцип действия: При контакте с органическими соединениями он запускает лавинообразную, хаотичную эволюцию членистоногих, подчиняя их нервную систему единой квантово-биологической частоте («Голосу Семьи»). Побочный эффект: Токсин полностью выжигает хлорофилл в растениях, из-за чего тайга вокруг Выселков превратилась в «угольный лес» — хрупкие, абсолютно чёрные деревья, которые не гниют, а рассыпаются в пепел от малейшего прикосновения.

Жизненный цикл и анатомия Алого Роя

Мутировавшие осы (Vespa Cruenta) стали вершиной биоинженерного кошмара. Неоновое свечение: Это результат биолюминесценции, вызванной переработкой токсина. Чем голоднее оса, тем ярче и холоднее её свет. Ночью тайга выглядит как кошмарный рейв: тысячи неоновых точек движутся в абсолютной тишине. «Яд-заместитель»: Их укус не вызывает отёка. Вместо этого в кровь жертвы впрыскивается желеобразный субстрат, содержащий миллионы нано-личинок. Они не пожирают хозяина изнутри, а сплавляются с его тканями: заменяют мышечные волокна, оплетают нервные окончания и берут под контроль синапсы головного мозга.

Анатомия «Ложных Людей» (Кукол)

Люди, обращённые Роем, — это не классические зомби. Они не гниют и сохраняют идеальную координацию, но перестают быть собой. Внешний вид: Кожа становится бледной, почти прозрачной, сквозь неё видны пульсирующие алые вены. Глаза полностью чернеют, а в темноте от зрачков исходит едва заметный неоновый отсвет. Поведение: Они способны имитировать обычную человеческую деятельность, чтобы заманивать выживших. Ложный сосед может стоять у забора, колоть дрова и даже позвать по имени, но его речь монотонна, а движения механистичны. Внутреннее устройство: Если разрезать «ложного человека», внутри не окажется привычных органов. Грудина и брюшная полость превращены в сухие, полые ячейки, забитые сотами, в которых зреет новое поколение ос. Кислород им больше не нужен — они дышат через трахеи, открывающиеся скрытыми порами на спине.

Архитектура Плотского Улья

Мёртвые Выселки стремительно перестраиваются. Рой использует два материала: пережёванную древесину угольного леса и биомассу (скот, трупы, излишки плоти). Стены и коконы: Дома деревенских жителей покрываются бугристой, пульсирующей коркой, напоминающей застывшую хирургическую ткань. Из оконных проёмов свисают огромные, сочащиеся сукровицей коконы. Сердце Роя: Под землёй, в старых советских погребах и колодцах, соединённых в единую сеть, созревает Матка. Это огромный биомеханический конгломерат, сросшийся с фюзеляжем рухнувшего самолёта. Она буквально питается бортовым компьютером и остатками мутагена, транслируя свои приказы через радиовышки, которые начинают гудеть на ультразвуковой частоте.

Особенности метаморфозы Таниды

Почему Танида не стала обычной послушной «куклой»?

Фактор Мантиры: Перед смертью (или финальной трансформацией) знахарка Мантира успела дать Таниде самодельный отвар на основе редких таёжных грибов-эндофитов. Этот состав заблокировал полное подчинение разума, но не смог остановить физическую перестройку тела. Проклятие и оружие: Из-за этого сбоя Танида застряла между двух миров. Прорезающиеся слюдяные крылья причиняют ей адскую боль (боди-хоррор в чистом виде — рвущаяся кожа, треск ломающихся лопаток), но они же дают ей сверхчеловеческую скорость. Она слышит шёпот Семьи, знает, где находятся враги, но каждая секунда использования этой ментальной связи приближает её к потере человеческого.

Новый рассвет

Спустя неделю они покидали Мёртвые Выселки. Старый УАЗ лесорубов, который Егору чудом удалось завести, медленно катился по разбитой дороге, уводящей прочь от проклятой деревни. Танида сидела на пассажирском сиденье, закутавшись в куртку. На её коленях лежал старый деревянный ларец Мантиры с травами — единственное, что она забрала из дома знахарки. Она смотрела в окно на выжженные поля. Кошмар отступил, но земля изменилась навсегда. На черной, пережженной почве, где раньше рос мертвый иван-чай, сквозь пепел пробивались первые зеленые ростки. Аномалия ушла вместе со своими создателями, оставив природе шанс на долгое, мучительное исцеление. Машина миновала покосившийся дорожный указатель с едва различимой надписью «Мёртвые Выселки». Танида закрыла глаза и впервые за долгое время глубоко, спокойно вздохнула. В её голове больше не было чужих мыслей, не было приказов Королевы. Была только тишина и шелест ветра в тайге — звуки живого, человеческого мира, который ей удалось спасти.

Челюсть в стакане

В квартире номер 402 пахло застоявшейся водой и старой пылью. Мортимер, привыкший к одиночеству, ценил тишину, но в ту ночь тишина казалась неестественно плотной, будто натянутая струна.

На кухонном столе, рядом с недопитой чашкой кофе, стоял граненый стакан. В нем, в мутной, слегка желтоватой жидкости, покоилась челюсть. Не пластиковый муляж, а настоящая, человеческая, с пожелтевшей эмалью клыков и обрывками запекшейся десны. Мортимер не помнил, откуда она взялась. Просто однажды утром обнаружил её там, и с тех пор она стала частью его жизни.

Он подошел к столу, чтобы отодвинуть стакан, но замер. Вода в стакане пошла рябью, хотя в комнате не было сквозняка.

Челюсть медленно, с неприятным сухим скрежетом, начала раскрываться. Мортимер завороженно смотрел, как два ряда зубов раздвигаются, обнажая пустую гортань внутри стакана. Казалось, что стакан стал глубоким, как колодец.

Внезапно раздался звук. Не стук, а влажное, чавкающее эхо, доносящееся прямо из стекла.

— Где… мой… язык? — проскрежетал голос. Это был не звук, а вибрация, от которой у Мортимера заныли зубы.

Он хотел отпрянуть, но ноги будто приросли к полу. Челюсть начала подниматься со дна. Она не всплывала — она ползла по внутренним стенкам стакана, цепляясь корнями зубов за стекло, оставляя на нем белесые царапины.

Мортимер почувствовал странное онемение в нижней части лица. Он провел рукой по подбородку и с ужасом понял, что кожа под пальцами кажется гладкой, лишенной привычного сопротивления кости. Он судорожно открыл рот, чтобы закричать, но не смог.

Во рту было пусто. Совершенно пусто. Ни десен, ни зубов, ни языка.

А в это время на столе челюсть выбралась из стакана. Она неуклюже, на манер паука, перебирая корнями, двинулась по столешнице к нему. Стекло стакана треснуло под её весом, когда она покидала своё временное пристанище.

Она прыгнула.

Мортимер упал, захлебываясь беззвучным криком. Холодная, скользкая кость присосалась к его деснам с такой силой, что искры посыпались из глаз. Боль была острой, первобытной. Он чувствовал, как чужие зубы впиваются в его кость, как прорастают корни, срастаясь с его черепом.

Когда в окно заглянула бледная луна, Мортимер поднялся с пола. Он подошел к зеркалу в коридоре. На него смотрело его лицо, но улыбка… улыбка была чужой. Слишком широкой. Слишком хищной.

Он взял стакан, смахнул с него осколки и поставил обратно на стол. В нем снова была вода. Чистая и прозрачная.

На всякий случай. Ведь кто знает, что может понадобиться следующему владельцу.

Черничный пирог

В ресторане «У старой мельницы» повар Антуан славился своими десертами, особенно — черничным пирогом. Его рецепт был прост, но требовал особого ингредиента: черники, которую он собирал на болотах в полнолуние. Ягоды там были необычайно крупными, почти чёрными, а сок — густым и вязким, как запекшаяся кровь.

В тот вечер Антуан остался на кухне один. Заказ был особенным: пирог для неизвестного гостя, который ждал в самом тёмном углу зала.

Антуан раскатал тесто. Оно было непривычно холодным, словно имело собственную температуру тела. Он высыпал на него гору ягод. Черника, вываливаясь из корзины, издала звук, похожий на тихий хруст ломающихся костей. Повар начал перемешивать начинку, но вдруг замер: ягоды начали двигаться сами. Они перекатывались, слипаясь в комки, похожие на пульсирующие органы.

«Просто перезрели», — пробормотал Антуан, вытирая липкий сине-чёрный сок с рук. Но сок не отмывался. Он въедался в кожу, окрашивая пальцы в цвет разложения.

Пирог отправился в печь. Аромат, который начал заполнять кухню, был не сладким, а тошнотворно-приторным, с запахом сырой земли и гнили. Когда Антуан открыл дверцу духовки, он увидел, что тесто вздулось неровными буграми, напоминающими человеческие лица, вдавленные в горячую массу.

Вдруг пирог начал издавать звуки: низкий, утробный рокот, доносящийся из недр начинки. Антуан хотел выкинуть его, но его руки — те самые, испачканные черничным соком — не слушались. Он словно был прикован к столу неведомой силой.

Пирог начал увеличиваться. Его края, покрытые поджаристой корочкой, стали напоминать челюсти. В центре, где раньше была самая сочная ягода, открылся глаз — мутный, бездонный, окружённый кроваво-фиолетовой радужкой.

— Ты долго кормил нас чужими страхами, Антуан, — прошептал пирог голосом, в котором слышались голоса всех тех, кто когда-то случайно съел хотя бы кусочек его «особого» десерта.

Повар закричал, но пирог, обладавший скоростью хищника, прыгнул. Его вязкое, горячее тесто облепило лицо Антуана. Он не мог дышать: черничный сок, горячий и кислый, хлынул в рот, забивая горло, проникая в лёгкие.

Это не было просто поедание. Пирог поглощал его, растворяя плоть, заменяя её своей ягодной субстанцией. Кухня, ещё мгновение назад полная жизни, затихла.

На следующее утро официант зашёл на кухню и увидел, что печь пуста. На столе стоял лишь один идеально красивый, присыпанный сахарной пудрой черничный пирог. Официант отрезал кусок, заметив, что начинка внутри как-то странно тёплая и подозрительно пахнет свежей кровью.

А в это время, глубоко внутри черничного месива, Антуан, ставший частью бесконечного рецепта, продолжал осознавать каждое движение ножа, готовясь стать следующим ингредиентом для того, кто сегодня решит заказать «фирменный десерт».

Маска зевирниры

В подвальных залах галереи «Оксус» всегда пахло сухим известняком и старым воском, но сегодня к этим запахам примешивался едва уловимый, приторный аромат сухих роз и мускуса. Реставратор высшей категории Валерий сидел за рабочим столом, направив луч белой бестеневой лампы на предмет, доставленный утренним дипломатическим грузом из предгорий Трансильвании. Это была маска. Официально артефакт именовался «Ликом Зивернины». Согласно обрывочным хроникам XV века, графиня Зивернира прославилась не столько своей неописуемой красотой, сколько тем, что юные служанки в её замке увядали за считаные месяцы, превращаясь в дряхлых старух. Саму графиню крестьяне в итоге сожгли, обвинив в вампиризме, но перед казнью её личный мастер отлил эту маску прямо с лица ещё живой госпожи. Маска была выполнена из странного тёмного сплава — не то обсидиан, не то вороненое серебро. На ощупь она казалась не металлом, а замерзшей плотью: чуть податливая, пугающе гладкая. Её черты были безупречны: высокие скулы, хищный разлет бровей и полуоткрытый рот с тонкими, почти прозрачными губами. Зазоры для глаз были затянуты изнутри тончайшей, как слюда, багровой плёнкой.

— Ну и ну, красавица… — прошептал Валерий, аккуратно счищая скальпелем вековую грязь со лба маски. Инструмент соскользнул. Острое лезвие прошаталось по указательному пальцу Валерия. Капля густой, тёмной крови упала прямо в приоткрытый рот «Лика Зивернины». Валерий чертыхнулся, потянулся за салфеткой, но замер. Маска впитала кровь. Металл вокруг губ артефакта на секунду порозовел, словно оживая, а по подвалу пронёсся тихий, глубокий вздох, от которого у мужчины заложило уши.

— —

Шепот из темноты

Валерий не пошёл домой. Он не мог заставить себя отойти от стола. Ему казалось, что пустые багровые глазницы маски следят за каждым его движением. К полуночи боль в порезанном пальце стала невыносимой. Руку тянуло, в венах пульсировал странный, ледяной зуд. Валерий смотрел на маску, и в его голове, перекрывая шум кондиционера, начал нарастать чужой голос. Это был женский шёпот — бархатный, манящий, пахнущий погребальными цветами и вечной молодостью. *«Примеришь меня… и время потеряет над тобой власть, — шелестело в сознании. — Посмотри на свои морщины. На свои слабые руки. Я дам тебе силу, которой владела Зивернира. Нужна лишь малая дань…«*

Как в полусне, Валерий протянул дрожащие руки к маске. Пальцы коснулись холодного сплава. На обратной стороне артефакта он вдруг заметил то, чего не было видно при дневном свете: сотни крошечных, полых внутри металлических игл, расположенных там, где маска должна прилегать к лицу. Они шевелились, как лапки голодного насекомого. Ужас заставил его отпрянуть, но было поздно. Собственное тело перестало его слушаться. Чужая, древняя воля намертво сковала его мышцы. Валерий медленно, со слезами на глазах, поднёс «Лик Зивернины» к своему лицу.

— —

Ритуал красоты

Когда маска коснулась кожи, подвал огласился диким, задушенным криком. Сотни металлических игл одновременно вонзились в лицо Валерия. С влажным хрустом они пробивали эпидермис, вгрызались в мимические мышцы, обвивали челюстные кости. Маска не просто наделась — она *приживалась*. Она пускала корни. Валерий упал на пол, корчась в агонии. Из-под черного сплава хлынула кровь, но маска жадно всасывала её в себя. С каждым глотком багровые линзы в её глазницах разгорались всё ярче. Через эти линзы Валерий увидел мир иначе: он начал видеть тепловые контуры живых существ. Он слышал, как за стеной, в

вентиляции, отчаянно и быстро бьётся сердце испуганной крысы.> Зивернира не была вампиром в привычном понимании. Вампиром была эта маска. Древний паразит, меняющий хозяев. Графиня была лишь её первой оболочкой, которую маска истощила дотла, забрав молодость и красоту сотен девушек, чтобы выковать своё бессмертное тело. Боль резко утихла, сменившись волной противоестественного, эйфорического тепла. Валерий поднялся на ноги. Его движения стали грациозными, текучими, лишенными прежней старческой неуклюжести. Он подошёл к ростовому зеркалу в углу лаборатории. Из зеркала на него смотрело чудовище. Из-под великолепного, идеального лица черной графини Зивернры торчали остатки его собственных волос, уши и затылок. Маска слилась с его головой, переплавив живую плоть и металл в единое целое.

— —

Новый хозяин

В дверь лаборатории негромко постучали. Это была Катя — молодая ночная сменщица, пришедшая проверить, почему в реставрационном отделе до сих пор горит свет.

— Валерий Петрович? Вы ещё здесь? — её шаги зазвучали в дверях. Валерий повернулся к ней. Катя замерла, вскрикнув от испуга, когда увидела черную маску. Но прежде чем она успела побежать, багровые глаза Зивернры вспыхнули, приковывая девушку к месту. Катя застыла, её зрачки расширились, а воля была мгновенно подавлена холодным гипнозом. Валерий сделал шаг вперёд. Из приоткрытого металлического рта маски высунулся длинный, острый, как стилет, серебряный шип-жало.

— Катенька… — раздался изнутри маски двойной голос: хриплый мужской и перекрывающий его нежный, торжествующий женский. — Помоги мне… Нам нужно вернуть былую красоту. Маска прижалась к лицу застывшей девушки. С сухим, всасывающим звуком артефакт начал пить. Валерий чувствовал, как чужая юность, свежесть и жизненная сила перетекают сквозь иглы в его собственное тело. Его старые суставы переставали болеть, кожа на затылке разглаживалась. «Лик Зивернры» победно сиял в темноте подвала. Графиня вернулась в мир людей. Ей нужно было много крови, чтобы сотворить себе новое тело, и эта галерея была лишь началом её долгой, бесконечной охоты. Серебряное жало скользнуло назад, сыто блеснув в луче бестенистой лампы. Катя медленно осела на цементный пол. Её фарфоровая кожа подёрнулась серостью, у глаз пролегли глубокие синюшные тени, а некогда блестящие каштановые волосы у корней стали пепельно-сухими. Она не умерла, но её молодость была выпита до капли. Девушка дышала редко и слабо, запертая в теле, внезапно постаревшем на сорок лет. Валерий — или то, что теперь делило с ним нервную систему — запрокинул голову. Под кожей шеи, прямо под воротником халата, с мерзким шуршанием поползли живые темные нити, перестраивая мышцы и сухожилия. Хриплый мужской тембр в его двойном голосе угасал, уступая место чистому, высокому сопрано, от которого вибрировали стеклянные колбы на полках.

— Мало… — прошелестела Зивернира губами из вороненого серебра. — Этого едва хватит, чтобы затянуть шрамы прошлого века. Нам нужно тепло. Нам нужно ядро.

— —

Музейная ночь

Валерий подошёл к массивному дубовому столу, на котором лежал его мобильный телефон. Телефон светился десятками пропущенных уведомлений. Завтра — вернее, уже через три часа — в галерее «Оксус» открывалась ежегодная «Музейная ночь». Сотни молодых ценителей искусства, студентов и богемы должны были заполнить залы верхних этажей. Маска внутри его сознания довольно рассмеялась. Столько свежей, бурлящей жизни в одном замкнутом пространстве. Сама судьба приготовила для неё пир. Используя остатки памяти реставратора, Валерий запер Катю в дальнем техническом чулане, где хранились реактивы. Отрешённая, лишенная воли девушка даже не сопротивлялась. Затем он натянул на голову глубокий капюшон толстовки, спрятал руки в карманы и поднялся по винтовой лестнице из подвала.

В зеркалах парадного вестибюля, мимо которых он проходил, отражался странный силуэт: сгорбленный мужчина с застывшим, неестественно идеальным лицом, чья походка с каждым шагом становилась всё более хищной, легкой и балетной. Маска переплавляла кости Валерия, подгоняя их под параметры средневековой аристократки.

— —

Великий вернисаж

К одиннадцати часам вечера галерея «Оксус» гудела. Скрипки струнного квартета вторили звону бокалов с шампанским, в залах с античными статуями было не протолкнуться. Валерий стоял в тени тяжелой портьеры у входа в зал средневекового оружия. Капюшон скрывал верхнюю часть его головы, но багровые линзы маски сквозь полумрак выхватывали цели. Он видел не людей. Он видел пульсирующие сосуды. Молодые парни, смеющиеся девушки — их кровь казалась Зивернире жидким золотом. Первой жертвой стал молодой куратор выставки, зашедший в пустующий зал, чтобы поправить экспозицию. Валерий скользнул за ним, мягко, точно туман. Один взмах руки — теперь уже тонкой, бледной, с длинными черными ногтями — и куратор замер, поймав взгляд багровых глаз. Серебряное жало-стилет вышло из приоткрытого рта маски с сухим щелчком. Жертва даже не успела выронить бокал. Через минуту куратор остался лежать за рыцарскими доспехами — иссушенный, сморщенный, с остановившимся взглядом. Затем была студентка-искусствовед. За ней — пара влюбленных, уединившаяся в темном коридоре администрации. С каждой новой каплей маска на лице Валерия менялась. Черный сплав обсидиана начал бледнеть, превращаясь в безупречную, полупрозрачную белую кожу. Металл растворялся, уступая место живой, но ледяной плоти. Мужской затылок Валерия полностью исчез: из-под маски теперь густым водопадом струились иссиня-черные, пахнущие розами волосы графини.> Это был необратимый процесс. Маска не просто использовала Валерия как костюм. Она переваривала его изнутри, выстраивая свое прежнее тело из чужого генетического материала, скрепленного чужой молодостью. Валерий еще был жив, он кричал где-то на дне собственного разума, но его кости уже истончились, превращаясь в изящный скелет вампирши.

— —

Лик графини

Когда часы на башне пробили три часа ночи, в галерее внезапно погас свет. Сработала аварийная система — маска намеренно перебила главный кабель в подвале, чтобы запереть оставшихся гостей в ловушке. Автоматические магнитные замки на дверях заблокировались. В наступившей темноте и панике, среди криков испуганной толпы, зазвучал цокот легких каблуков. Люди в центральном зале сгрудились у выходов, подсвечивая темноту экранами телефонов. Лучи мобильных выхватили фигуру, спускающуюся по главной мраморной лестнице. Это была женщина неописуемой, царственной красоты. На ней было длинное черное платье, наспех сорванное с одной из старинных инсталляций. Её кожа светилась в темноте жемчужным блеском, а губы были алыми, словно покрытыми свежей глазурью. Но её глаза… Глаза оставались багровыми, слюдяными, лишенными зрачков. От Валерия не осталось ничего. Его одежда лежала кучкой тряпья в подсобке, а его плоть стала частью этой безупречной женщины.

— Зажгите свет! Кто это?! — закричал кто-то в толпе. Графиня Зивернира остановилась на нижней ступени и улыбнулась, обнажая ряды острых, игловидных зубов. Подвал «Оксуса» был ей больше не нужен. Весь этот город, полный жизни, технологий и беспечной молодежи, лежал перед ней, как накрытый стол.

— Я — ваше бессмертие, — пропел её чистый, бархатный голос. Она сделала движение рукой, и десятки тонких металлических игл вырвались прямо из её бледных пальцев, устремляясь к застывшим в ужасе людям. Музейная ночь в Ксантисе превращалась в кровавый рассвет новой эпохи Зиверниры.

Комната

Дом на окраине города продавался по цене, от которой у любого здравомыслящего человека волосы встали бы дыбом — за бесценок. Молодая пара, ослепленная мечтой о своем гнездышке, купила его, не заметив странного запаха плесени, который не выветривался даже при открытых настежь окнах.

Центром дома была гостиная, оклеенная обоями цвета ядовитой зелени. Это был странный оттенок: густой, как застоявшееся болото, с едва заметным растительным орнаментом, который причудливо переплетался в бесконечные узлы.

Первым это заметил Марк. Вечером, сидя в глубоком кресле, он поймал себя на том, что пристально рассматривает стену. Ему показалось, что один из завитков листа сместился. Он поморгал, решив, что это усталость. Но когда он взглянул снова, рисунок изменился: теперь сплетение линий подозрительно напоминало вытянутое, страдальческое лицо с открытым в немом крике ртом.

— Ленор, ты это видишь? — позвал он жену.

Ленор подошла, вгляделась, и ее лицо побелело.

— Это просто игра света, Марк, — прошептала она, но сама попятилась.

С того дня комната начала менять их. Обои перестали быть просто фоном. В сумерках комната оживала. Зеленое полотно пульсировало, будто под ним скрывалась не кирпичная кладка, а живая, воспаленная плоть. Призраки, запертые в обоях, двигались. Это были не прозрачные силуэты, а искаженные, вдавленные в бумагу фигуры людей, которые когда-то жили в этом доме. Они ползали по стенам, их пальцы, вырезанные из зеленого узора, скребли по бумаге, оставляя за собой едва слышный шелест.

Ночью Марк проснулся от того, что его кто-то звал. Голос звучал глухо, как будто сквозь толщу воды. Он включил лампу и замер. Вся стена была покрыта «лицами». Они плакали чернильными слезами, которые медленно стекали по обоям, пропитывая их темными пятнами. Одна из фигур — женщина с длинными, спутавшимися волосами — медленно вытягивала руку из плоскости стены, и ее пальцы, плоские, словно вырезанные из картона, уже тянулись к выключателю.

Ленор не вышла к завтраку. Когда Марк ворвался в гостиную, он увидел, что комната стала другой. Зеленый цвет обоев стал ярче, агрессивнее. Ленор стояла посреди комнаты, глядя в стену. Ее глаза были остекленелыми, а кожа приобрела тот же болезненно-зеленоватый оттенок.

— Они говорят, что им здесь тесно, — произнесла она голосом, который не принадлежал ей. — Им нужны новые тела, чтобы выйти.

Она прижалась ладонями к стене. В ту же секунду орнамент ожил. Зеленые стебли, словно живые змеи, обвились вокруг ее запястий, втягивая ее вглубь бумажного ада. Марк бросился на помощь, но стена стала твердой, как гранит. Он видел, как лицо жены медленно уходит вглубь, становясь частью узора. Ее глаза в последний раз моргнули, превратившись в два плоских зеленых пятна, и она исчезла, пополнив собой бесконечную галерею теней.

Марк остался один. Теперь, когда он сидит в гостиной, он слышит, как тысячи голосов шепчут его имя из каждого завитка бумаги. Он не может уйти — стены дома словно сжимаются, не пуская его к выходу.

Иногда, проходя мимо стены, он видит новое лицо. Оно еще совсем свежее, с испуганными глазами и открытым в крике ртом. Это его собственное лицо, которое уже начинает покрываться зеленой плесенью, навсегда впечатываясь в бездонные узоры этой проклятой комнаты.

Матильда Блейк

Жители окраины маленького городка знали Матильду Блейк как тихую, сильно сгорбленную старуху, которая вечно ходила в безразмерных, засаленных пальто даже в тёплые весенние вечера. Она передвигалась шаркающей, рваной походкой, опираясь на узловатую трость, и почти никогда ни с кем не разговаривала. Обыватели думали, что горб на её спине — это проклятие старости. Они ошибались. Матильду клонило к земле не из-за слабости позвоночника. Её тянула вниз чудовищная, противоестественная тяжесть, скрытая под слоями плотной одежды.

— —

Охота в сумерках

Когда на город опускались густые сизые сумерки, Матильда выходила на промысел. В руке она сжимала старую брезентовую сумку, на дне которой лежали куски сырой, полусгнившей печени и прочная капроновая петля. Она искала тех, кого никто не станет искать. Бродячих псов с порванными ушами, облезлых подвальных кошек, приблудных щенков. В тот вечер удача улыбнулась ей на пустыре за заброшенной лесопилкой. Крупный, рыжий пёс с поджатым хвостом робко зарычал, учуяв старуху. Матильда остановилась. Из её горла вырвался странный, цыкающий звук, а рука метнула в сухую траву пахучее лакомство. Пёс дрогнул. Голод победил осторожность: животное подползло ближе, жадно схватив мясо. Секунда — и старая, но мёртвая хватка Матильды затянула петлю на шее жертвы. Пёс не успел даже взвизгнуть. Старуха с неожиданной, пугающей силой втиснула бьющееся тело в брезентовый мешок и туго завязала узел.

— Тихо, милый, тихо… — прошамкала она беззубым ртом, и её глаза фанатично блеснули. — Сейчас мы поужинаем.

— —

Та, что внизу

Внутри её полуразвалившегося дома на отшибе пахло сыростью, застарелым жиром и железом. Матильда заперла дверь на три тяжёлых засова, задёрнула плотные шторы и прошла на кухню, где горела одна-единственная тусклая лампочка. Она опустила мешок на залитый бурыми пятнами деревянный пол. Пёс внутри глухо рычал и возился. Матильда глубоко вздохнула, её лицо исказилось от предвкушения и боли. Скрюченными пальцами она начала расстёгивать пуговицы пальто, затем старой кофты, обнажая своё тело. Там, где у нормальных людей заканчивается грудная клетка и начинается живот, её плоть уродливо раздавалась вширь. Ткани были багрово-синюшными, покрытыми сеткой лопнувших сосудов. И из этой живой массы, словно вросший в скалу уродливый нарост, торчала *вторая голова*. У неё не было шеи — она росла прямо из плоти Матильды, подслеповатая, лишённая волос, со сморщенной, пергаментной кожей. Глаза этой твари, подёрнутые белёсой катарактой, завращались, едва на них упал свет. Из широкого, лишённого губ рта, усаженного рядами острых, как иглы, желтоватых зубов, потекла густая, вязкая слюна. Голова под грудью задвигалась, шумно втягивая ноздрями воздух, и издала утробный, свистящий клёкот.

— Да, моя хорошая, да, проголодалась, — ласково прошептала Матильда, поглаживая тварь по лысому темени. Старуха опустилась на колени прямо перед мешком и развязала шнурок.

— —

Ужин

Пёс попытался рвануться наружу, но Матильда навалилась на него всем телом. Её верхнее, человеческое лицо оставалось абсолютно спокойным, почти материнским, в то время как нижняя голова разевала пасть невероятно широко, судорожно вытягиваясь вперёд на складках

кожи. Острые зубы впились в шею животного с влажным, хрустящим звуком. Пёс отчаянно забился, заскулил, но нижняя голова рвала плоть с бешеной, животной яростью. Она не просто жевала — она заглатывала куски вместе с шерстью и костями, издавая утробное чавканье и хлюпанье. Матильда сидела на полу, прижимая бьющееся в агонии животное к своему телу, и тихонько напевала старую колыбельную. По её животу и бёдрам струилась тёплая, тёмная кровь, но старуху это не беспокоило. Она чувствовала, как с каждым заглоченным куском по её собственным жилам разливается чужая, дикая энергия. Голова под грудью делилась с ней жизнью. Без этого сырого, трепещущего мяса Матильда рассыпалась бы в прах ещё полвека назад.>

Они были идеальным симбиозом: Матильда давала твари ноги и руки, чтобы охотиться в мире людей, а тварь дарила старухе противоестественное, жуткое долголетие, переваривая чужие жизни в своём ненасытном чреве. Через полчаса всё было кончено. На полу остались лишь мокрые клочья рыжей шерсти и крупные кости, которые нижняя голова не смогла раздробить. Она сыто обликнулась длинным, фиолетовым языком, её глаза закрылись, и она тяжело задышала, погружаясь в сон. Матильда тяжело поднялась, взяла тряпку и принялась методично замывать пол. Завтра город снова проснётся, люди будут спешить на работу, а она, сгорбленная и тихая, пойдёт в магазин за хлебом. И никто из прохожих не догадается, почему её пальто так странно шевелится на уровне груди, когда мимо пробегает очередная бродячая собака.

Озеро единорога

В лесах, куда не проникает даже самый смелый луч солнца, лежит озеро Сомнус. Местные обходят его стороной, даже не называя вслух, опасаясь навлечь на себя взгляд того, кто притаился в густом, как молоко, тумане. Вода в озере была абсолютно черной и неподвижной, словно застывшее зеркало, скрывающее бездну. По берегам росли не деревья, а уродливые, скрюченные подобия ив, чьи ветви-щупальца опускались в воду, жадно впитывая влагу. Тишину, царившую здесь, нельзя было назвать спокойной — это была тяжелая, удушливая тишина могильного склепа. Но именно в ней, в самый глухой час между ночью и рассветом, раздавался стук копыт. Он вышел из тумана бесшумно. Существо, которое легенды называли единорогом, не имело ничего общего с прекрасными сказками. Его шерсть была не белой, а цвета гнилой кожи, местами вылезшей клочьями, обнажая серые, пульсирующие вены. Вместо грациозной шеи — изгиб, напоминающий позвоночник дохлой рыбы, а ноги заканчивались не копытами, а длинными, острыми, как серпы, черными костями. Его рог не сиял божественным светом. Это был скрученный нарост, покрытый засохшей кровью и плесенью, который время от времени испускал слабый, болезненный электрический разряд, заставляющий воздух вокруг вибрировать от озона и запаха гари. Единорог остановился у самой кромки, и вода вокруг его «ног» закипела. Он не пил. Он питался памятью. Любой, кто оказывался в поле его зрения — а глаза существа представляли собой две пустые, гниющие глазницы, которые, казалось, видели не тело, а самую суть души — замирал. Единорог медленно приближался, оставляя на влажном песке кровавые следы. Он не нападал клыками или копытами. Он просто склонял голову, касаясь кончиком своего проклятого рога лба жертвы. В этот момент несчастный видел всё: свои худшие грехи, самые глубокие страхи, забытые кошмары — всё это вырывалось из разума, материализуясь в виде черной слизи, которая стекала по его лицу прямо в пасть существа. Жертва не умирала сразу. Она превращалась в пустую оболочку, безмолвную тень, которая навсегда оставалась бродить по берегу озера, пока не растворялась в тумане, становясь частью вечного корма для чудовища. Однажды путник, решивший испытать судьбу, увидел, как проклятый зверь на мгновение поднял морду к кровавой луне. В глубине его безглазых орбит отразилась не тьма, а бесконечный хоровод мучающихся душ, запертых в теле единорога, как в живой клетке. Он не ушел. Он понял, что озеро не просто место обитания — это лишь большая поилка для того, чье проклятие не имеет конца. И теперь, каждый раз, когда над лесом поднимается неестественно красный туман, те, кто живет неподалеку, плотно закрывают ставни, зная: единорог снова вышел на охоту, и его рог голоден до новой порции чужих страданий.

Девочка и крысы

В старом особняке на окраине города, где обои свисали лохмотьями, словно кожа с истлевшего трупа, жила маленькая Алиса. Дом дышал сыростью и пылью, но не это пугало девочку больше всего. В подвале, за тяжелой дубовой дверью, скреблись крысы.

Сначала это был просто шорох — тихий, почти музыкальный, напоминающий шелест сухих листьев. Алиса привыкла к нему, как привыкают к шуму дождя. Но со временем скрежет стал настойчивее. Ночами крысы переставали просто бегать; они начали выстраиваться в подобие ритмичного стука, будто отбивали азбуку Морзе прямо в доски пола ее спальни.

Однажды ночью любопытство пересилило страх. Алиса прокралась к подвальной двери, держа в дрожащей руке огарок свечи. Пламя металось, отбрасывая на стены длинные, уродливые тени, которые, казалось, тянули к ней свои скрюченные пальцы.

Она приоткрыла дверь. Воздух в подвале был тяжелым, пропитанным запахом гнили и чем-то сладковато-приторным. В центре комнаты, в тусклом свете свечи, сотни крыс образовали идеальный круг. В его центре, на куче грязных тряпок, лежала кукла — совсем как любимая игрушка Алисы, которую она потеряла неделю назад.

Крысы не бросились врассыпную. Они замерли, повернув свои розовые мордочки к девочке. В их крошечных, бусинных глазках не было страха. В них отражалось красное пламя свечи, искаженное и голодное.

Алиса сделала шаг вперед, чтобы забрать куклу. В ту же секунду крысы начали двигаться. Они не бежали — они текли, как живая черная река, закрывая собой пол, стены и потолок. В воздухе повис пронзительный писк, который перерос в шепот. Тысячи крошечных лапок застучали по дереву, приближаясь, окружая.

Девочка попятилась, но дверь за ее спиной захлопнулась с глухим ударом. Последнее, что увидел огарок свечи, прежде чем погаснуть, — это то, как маленькие острые зубки начали грызть не дерево, а тишину самого дома.

С тех пор в особняке стало подозрительно тихо. Лишь иногда, в безлунные ночи, прохожие слышат, как из подвала доносится тонкий, почти человеческий детский смех, перемешанный с голодным писком, который эхом разносится по пустым коридорам. А на подоконнике в детской комнате, прямо в пыли, отпечатываются крошечные следы, которые уходят в стену и навсегда пропадают в темноте.

Шкатулка бабочек

В глубине старого особняка, затянутого тяжелыми бархатными портьерами, где воздух всегда пахнет увядающими цветами и пылью веков, стояла она — шкатулка из черного обсидиана. На ее крышке, отполированной до зеркального блеска, была вырезана лишь одна деталь: крошечная, едва заметная замочная скважина, напоминающая открытый рот. Никто не помнил, кто принес ее в дом. Говорили, что шкатулка досталась в наследство от колдуньи, чье имя вычеркнули из церковных книг. Однажды, в ночь, когда полная луна окрасилась в болезненно-кровавый оттенок, любопытство взяло верх над страхом. Маленький серебряный ключ, найденный в пыльном ящике стола, идеально вошел в скважину. Раздался звук, похожий на тихий вздох, и крышка медленно откинулась. Внутри не было ни золота, ни драгоценных камней. Шкатулка была наполнена тишиной и странным, холодным светом. Как только крышка коснулась бархатной подкладки стола, из глубины поднялись они. Это были бабочки, но не те, что порхают над лугами в погожие дни. Их крылья, тонкие, как папиросная бумага, светились изнутри мертвенным фиолетовым огнем. Узоры на них напоминали человеческие лица, искаженные в беззвучном крике или странной, пугающей улыбке. Они не летали хаотично. Они заполнили комнату, образуя пульсирующий рой, который сгущался в центре, прямо над головой того, кто решился открыть темницу. С каждым взмахом их крыльев в воздухе проносились шепоты — обрывки забытых заклинаний, тайны утопленников и эхо тех, кто давно ушел за грань. Одна из бабочек опустилась на ладонь. Она была ледяной, а ее крылья подрагивали, словно пытаясь выжечь на коже невидимый знак. В этот момент время в особняке замерло. Стены начали растворяться, превращаясь в густой серый туман, а вместо привычного паркета под ногами разверзлась бездна, в которой тонули звезды. Шкатулка, оказавшаяся лишь порталом, теперь требовала плату. Бабочки начали возвращаться, но уже не в свою обсидиановую тюрьму, а в глаза и мысли своего освободителя. С тех пор особняк пустует. Говорят, если зайти туда в полночь и прислушаться, можно услышать не скрип половиц, а мерный, почти гипнотический шелест тысяч крыльев. А на столе по-прежнему стоит черная шкатулка. Ее крышка всегда чуть приоткрыта, приглашая тех, кто ищет истину, заглянуть внутрь и позволить бабочкам рассказать историю, которую невозможно забыть.

Грибы в лесу

Лес за Марьиной деревней никогда не считался добрым, но в тот сентябрьский полдень стояла обманчивая, звенящая тишина. Олден, заядлый грибник, знал каждый куст, но сегодня лес казался иным. Воздух был тяжелым, пропитанным приторным запахом прелой листвы и чем-то еще — сладковатым, металлическим.

Первый гриб он заметил на старом пне. Это был странный экземпляр: бледная, почти прозрачная ножка и шляпка неестественно фиолетового цвета с точками, напоминавшими крошечные человеческие глаза. Олден хотел срезать его, но нож соскользнул, порезав палец. Алая капля упала на землю, прямо к основанию гриба. Земля впитала её мгновенно, и гриб едва заметно дернулся.

Олден не придал этому значения. Он пошел дальше, но вскоре заметил, что за его спиной что-то происходит. Лес, который был пустым, вдруг начал заполняться звуками: сухие ветки хрустели, будто под тяжестью множества ног.

Он обернулся. В десяти метрах от него, прямо на мху, стоял такой же фиолетовый гриб. Потом еще один, чуть ближе. И еще.

Олден ускорил шаг. Он вышел на поляну, но она была усеяна ими. Тысячи бледных ножек, пробивающихся сквозь землю с неестественной скоростью. Они не просто росли — они выдвигались, словно маленькие, целеустремленные солдаты.

Он побежал. Сердце колотилось в горле. Каждый раз, когда он оглядывался, грибы были ближе. Они не прыгали и не бежали — они перемещались, пока он не видел их, занимая всё новые позиции. Они окружали его, сужая круг.

Лес превратился в лабиринт. Тропинки исчезали, перекрытые плотными колониями грибов, которые росли с такой силой, что взламывали корни деревьев. Олден метался из стороны в сторону, спотыкаясь о мягкие, склизкие шляпки, которые при прикосновении издавали жалобный писк.

К закату он выбился из сил. Ноги горели, легкие разрывались от нехватки воздуха. Он упал на колени, пытаясь отдышаться, и тут понял, что оказался в центре огромной «ведьминой петли». Грибы выстроились вокруг него идеальным кольцом, плотным, как крепостная стена.

Они начали испускать споры — густое, ядовито-зеленое облако, которое заполняло легкие, вызывая удушье и странные видения. Олден видел, как из земли поднимаются тени — другие грибники, что сгинули здесь годы назад, чьи тела стали удобрением для этой прожорливой поросли. Их лица были искажены грибными наростами, превратившими людей в живые памятники мицелию.

Олден попробовал встать, но его ноги не слушались. Он посмотрел вниз и с ужасом увидел, что его собственные сапоги проросли белыми нитями грибницы. Он был прикован к месту.

Грибы подступали. Они медленно, методично забирались на его одежду, проникая в швы, в поры кожи, впитывая его пот и страх. Последнее, что он услышал, был хор тысяч шепчущих голосов, сливающихся с шумом ветра в кронах.

На следующее утро в лесу воцарилась прежняя тишина. На месте, где когда-то стоял Олден, не осталось ничего, кроме идеально ровного круга свежих, сочных фиолетовых грибов, чьи крошечные глазки на шляпках радостно смотрели в сторону дороги, ожидая новых гостей.

Белые колпочки

Старый дом на окраине города скрипел по ночам, как живое существо. Его чердак был заколочен еще тридцать лет назад, после того как младшая дочь предыдущих владельцев исчезла, оставив после себя лишь детский смех, доносившийся сквозь потолочные перекрытия.

Нынешние жильцы, молодая семья с маленьким сыном и пушистым рыжим котом, не верили в сказки о призраках. Но они стали замечать странности. Сначала пропал кот. Его нашли на чердачной лестнице — точнее, нашли лишь его ошейник, который лежал неестественно ровно, словно его аккуратно сняли.

А потом начались звуки. Это не был топот крыс. Это был сухой, отрывистый звук, похожий на шелест бумаги или стук деревянных солдатиков по половицам. *Топ-топ-топ.* По ночам кто-то ходил прямо над детской кроваткой.

Отец семейства, решив положить конец этому безумию, вооружился фонариком и ломом. Он поднялся на чердак, когда часы пробили полночь. Воздух наверху был сухим и пах сушеной лавандой и чем-то сладковатым, как разлагающееся мясо.

Луч света прорезал темноту и выхватил их.

Их было двое. Маленькие, не выше десятилетних детей, человечки с кожей цвета пожелтевшего пергамента. Они были одеты в глухие белые балахоны, а на головах у них красовались длинные, острые, как иглы, белые колпаки. У них не было ни носов, ни ушей — лишь крошечные, идеально круглые черные глаза, похожие на пуговицы, и узкие полоски ртов, которые никогда не открывались.

Они стояли над открытым люком, в котором виднелся спящий ребенок. В их длинных, узловатых пальцах была зажата тонкая шелковая нить.

Мужчина закричал, но звука не последовало — его горло словно перехватило невидимой ледяной рукой. Одно из существ медленно повернуло голову. Его колпак, казалось, был пришит прямо к коже черепа. Оно подняло руку и приложило тонкий палец к тому месту, где у человека должен был быть рот.

Тссс.

Этот звук прозвучал не в воздухе, а прямо в его сознании.

Второй человечек шагнул вперед. Его движения были неестественно плавными, как у марионетки. Он указал на мужчину, затем на пустой угол чердака, где в полумраке шевелились десятки таких же белых колпаков. Они были повсюду. Десятки существ, застывших в ожидании, с глазами-пуговицами, жадно взирающими на «добычу».

Они не убивали своих жертв — они превращали их в часть своего чердачного мира. Отец увидел в углу что-то, от чего его сердце едва не остановилось: там, среди груд старых тряпок, сидел рыжий кот. Он не двигался. Он был полностью покрыт тонким слоем белой ткани, пропитанной странным воском, и его глаза, когда-то живые, теперь стали такими же черными пуговицами.

Маленькие существа в колпаках начали окружать мужчину. Они не нападали — они просто начали напевать. Это была тихая, монотонная колыбельная, от которой стены чердака начали медленно растворяться, превращаясь в белую, бесконечную пустоту.

На следующее утро полиция не нашла на чердаке ничего, кроме двух старых, пыльных ошейников — кошачьего и маленького детского браслета с именем мальчика. А в доме воцарилась идеальная тишина.

Теперь, если вы пройдете мимо этого дома в безлунную ночь, вы можете увидеть в окне чердака странное движение. Это маленькие белые человечки в колпаках снова перебирают свои «игрушки», бережно поправляя их позы, чтобы они не падали, когда по ночам начинается их бесконечная, безмолвная игра.

Сестры виззерти

Они были неразлучны, как две тени, отбрасываемые одним объектом. Альтора и Фистивия — близнецы, которых даже мать иногда путала, если бы не одна деталь: Альтора всегда носила на шее тяжелый медный амулет, а Фистивия — тонкую нить с жемчужиной.

Пещера «Шепчущий зев» была их тайной. Местные твердили, что озеро внутри нее не имеет дна, а вода в нем настолько холодная, что останавливает сердце быстрее, чем пуля. Но для сестёр, искавших приключений, это место было идеальным убежищем.

В тот день пещера дышала сыростью и тяжёлым, металлическим привкусом. Они спустились к воде, освещая путь тусклым фонариком. Альтора, смеясь, первой вошла в воду, её тело мгновенно покрылось пупырышками от ледяного холода. Фистивия осталась на берегу, наблюдая, как сестра заходит всё глубже.

— Иди ко мне, тут неглубоко! — крикнула Альтора.

Но в этот момент пол под её ногами ушёл. Гладкая каменная плита, покрытая скользким мхом, обломилась. Раздался глухой всплеск, и Альтора ушла под воду, даже не успев вскрикнуть.

Фистивия бросилась к кромке воды, свет фонаря метался по чёрной, как смола, глади. Она ждала. Минуту, две, три. Вода оставалась неподвижной. Фистивия закричала, её голос эхом бился о своды пещеры, превращаясь в бессвязный вой.

Когда она решилась войти в воду, чтобы нырнуть, её пальцы коснулись чего-то мягкого и скользкого. Она дёрнула, надеясь вытащить сестру, но из воды показалась только рука — бледная, раздутая, с оборванной цепочкой медного амулета. А за ней… за ней потянулась лента извивающихся тел.

Это были не обычные рыбы. Слепые, с полупрозрачной кожей, сквозь которую просвечивали внутренности, они были густо облеплены вокруг того, что осталось от Альторы. Их рты — крошечные, полные игловидных зубов — не переставали двигаться, поглощая плоть, превращая сестру в ничто. Они не боялись света. Напротив, привлечённые его яркостью, рыбы начали медленно отделяться от останков и поворачивать свои мутные, лишённые зрачков головы в сторону Фистивии.

Фистивия застыла. Она чувствовала, как ледяная вода парализует ноги. Одна из рыб, самая крупная, с обрывком медной цепочки, запутавшейся в жабрах, выпрыгнула из воды и ударилась о камень прямо у её стоп. Она была ещё жива, её рот продолжал жадно хватать воздух, а внутри, сквозь прозрачное брюхо, Фистивия увидела медную искру — тот самый амулет, который был частью Альторы.

В ту ночь из пещеры вышла только одна сестра. Но когда Фистивия вернулась домой, мать, взглянув на неё, побледнела и выронила тарелку.

Фистивия не плакала. Она просто прошла в свою комнату и села перед зеркалом. Она смотрела на своё отражение, пока её кожа не начала медленно сереть, а глаза — терять цвет, превращаясь в мутную пелену. А из горла, каждый раз, когда она пыталась вдохнуть, доносился тихий, влажный булькающий звук, словно внутри неё кто-то продолжал пировать.

Теперь в их доме стало тихо. Только иногда по ночам Фистивия пробирается на кухню и подолгу смотрит в стакан с водой, а рыбы — те самые, слепые и голодные — начинают биться о стекло, узнавая свою вторую половину.

Клоун с тележкой шариков

На окраине города, где старые фонари мигают, словно пытаясь вырваться из плена густого, липкого тумана, всегда слышен этот звук. Сначала — тихий скрип несмазанной оси, затем — приглушенный перестук маленьких колес по разбитому асфальту. Это едет он. Черно-белый клоун. Его костюм не был просто сшит из ткани двух цветов — казалось, он состоял из лоскутов самой тени и ночного света. Белый грим на лице был настолько плотным и сухим, что при каждой его неестественной, дерганой улыбке кожа трескалась, обнажая под собой что-то темное, серое. Но страшнее всего были глаза: нарисованные черные слезы стекали к подбородку, а за ними, в глубине глазниц, не было ничего, кроме пустоты, пожирающей свет любого фонаря. Он катил перед собой облупленную тележку, на которой, подрагивая в такт невидимому ветру, покачивались воздушные шарики. Они не были яркими. Все до единого — цвета запекшейся крови, старого пергамента или гнилой коры дерева. Но самым жутким было то, что внутри каждого шарика что-то билось. Очертания, точь-в-точь повторяющие испуганные лица тех, кто исчез из этого района в последние недели. Клоун остановился под старым тополем. Он не позвал детей — в округе и так было пусто. Он просто стоял и ждал, постукивая длинным, костлявым пальцем по борту тележки. *Тук-тук-тук.* Из ближайшего окна второго этажа на него смотрел мальчик. Он хотел отойти, но ноги не слушались. Клоун медленно поднял голову. Его улыбка стала шире, растягиваясь до самых ушей, обнажая ряды зубов, острых, как иглы дикобраза. Он поднял руку и указал на один из шаров. Тот, что висел чуть ниже остальных. В нем смутно угадывалось лицо маленькой девочки, пропавшей еще в прошлом месяце. Она беззвучно открывала рот, пытаясь позвать на помощь, но звук поглощала резиновая оболочка. Клоун наклонился к тележке, отвязал шарик и начал медленно отпускать нить. Шар не взлетел к небу — он поплыл горизонтально, прямо к окну мальчика, вопреки законам гравитации. Мальчик пятился, пока не уперся спиной в стену. Шар прошел сквозь стекло, словно оно было сделано из дыма. Он завис прямо перед его лицом. Внутри, сквозь полупрозрачную материю, он увидел, как глаза девочки наполнились слезами, а губы прошептали одно слово: «Прячься». В этот же миг скрип колес тележки прекратился. В комнате стало невыносимо холодно. Мальчик обернулся и увидел, что клоун уже стоит на пороге его спальни. Он не шел — он словно растягивался в пространстве, становясь все выше и выше, пока его голова не уперлась в потолок. Клоун снова улыбнулся, и на этот раз трещины на его лице разошлись так широко, что стало видно черную, вязкую субстанцию, текущую из его горла. Он протянул руку, в которой зажата была новая, пустая нить. На следующее утро в городе стало на одного ребенка меньше, а на тележке у черно-белого клоуна появился еще один шарик — цвета страха, с лицом, которое теперь будет молча кричать в вечном плену, пока кто-то другой не решит выглянуть в окно в туманную ночь.

Город молчаливых

Город Сент-Этьен не был отмечен на современных картах, и местные жители называли его «Городом молчаливых». Его улицы были заставлены сотнями каменных изваяний: скорбящие матери, гордые рыцари, дети, играющие с несуществующими мячами, и уродливые горгульи, чей взгляд, казалось, сверлил затылок любого, кто проходил мимо. Туристы, заехавшие сюда случайно, восхищались мастерством древних скульпторов. «Как живые», — говорили они, касаясь шероховатого, холодного камня. Они не знали, что в Сент-Этьене никогда нельзя оставаться после заката. Когда последнее солнце скрывалось за горизонтом, город погружался в тишину, которая звенела в ушах. А затем начиналось то, что невозможно было описать без содрогания. Сначала раздавался звук — глухой, тяжелый скрежет, как будто кто-то сдвигал с места многотонные валуны. Каменные фигуры оживали. Они не двигались плавно, как люди. Их движения были резкими, прерывистыми, сопровождавшимися треском лопающегося песчаника. Глаза, еще минуту назад бывшие пустыми углублениями, загорались тусклым, серым светом. Они начинали свою ночную жизнь: рыцари сходили с постаментов, проверяя остроту своих каменных мечей, а дети собирались в круг, издавая звуки, похожие на трение двух кусков наждачной бумаги. Однажды ночью в городе застрял путник. Он спрятался в старом амбаре, заколотив двери. Но это не помогло. Он слышал, как снаружи кто-то медленно идет. *Топ. Топ. Топ.* Звук ударов камня о булыжную мостовую был тяжелым, размеренным. В щель между досками путник увидел, как мимо амбара прошествовала статуя старухи. Она остановилась, повернула голову на сто восемьдесят градусов и уставилась прямо на него. Ее каменные губы, не имевшие рта, начали шевелиться, издавая сухой, скрипучий шепот: — Ты слишком мягкий. Тебе нужно стать как мы. Двери амбара разлетелись в щепки, словно от удара тараном. В проеме стояли они — десятки изваяний, чьи лица были искажены вечным голодом. У них не было плоти, чтобы поглощать, но у них была потребность множить свои ряды. Они подступили к нему, и их руки, жесткие и грубые, сомкнулись на его плечах. Путник закричал, но крик оборвался, когда первая капля серого, вязкого состава, похожего на жидкий цемент, попала ему на губы. Ощущение ледяного холода стремительно распространилось по венам. Его кожа начала сереть, твердеть, теряя чувствительность. Он чувствовал, как его пальцы срастаются, а мышцы превращаются в монолит. На следующее утро, когда первые лучи солнца коснулись площади, город снова стал тихим и безмятежным. Среди сотен изваяний появилось новое — молодой человек с лицом, застывшим в гримасе последнего, немого ужаса. Он стоял рядом со статуей старухи, идеально вписываясь в композицию «Вечного покоя». Каменные фигуры снова замерли, ожидая следующей ночи, когда их ряды пополнятся новыми молчаливыми жителями. Ведь в Сент-Этьене у каждого есть шанс обрести бессмертие, став частью вечного, холодного хоровода.

Локон русалки

Старый смотритель маяка на острове Скелль-Рок всегда говорил: «Море не дает подарков, оно лишь возвращает то, что не смогло переварить». И когда в одну из штормовых ночей волны вынесли на берег тяжелую, обросшую ракушками шкатулку, он должен был сжечь её, не открывая. Внутри лежал локон — густой, цвета морской бездны, с переливами фосфоресцирующего зеленого. Он был необычайно длинным и на ощупь напоминал не волосы, а скользкую, влажную сеть, которая едва заметно пульсировала, словно в ней еще теплилась чья-то чужая, подводная жизнь. Смотритель, ослепленный странной красотой находки, принес локон в дом и положил на полку. С этой минуты в маяке поселился звук. Это было не завывание ветра, а тихое, вкрадчивое царапанье, словно кто-то снаружи пытался вскрыть стены длинными, тонкими ногтями. На третью ночь смотритель проснулся от того, что по его лицу проползло что-то холодное и влажное. Он зажег лампу и обмер: локон покинул полку. Он извивался на кровати, как черная змея, а его концы, острые и жесткие, как колючки морского ежа, начали медленно оплетать запястье мужчины. Попытка сорвать локон обернулась кошмаром. Пряди мгновенно впились в кожу, пуская глубокие, ледяные корни. Смотритель закричал, чувствуя, как его собственная кровь начинает густеть, превращаясь в соленую морскую воду. Локон не просто держал его — он *прорастал* сквозь мышцы, заменяя жилы на свои упругие, пропитанные солью волокна. В глазах у мужчины потемнело. Комната начала заполняться мутной водой, хотя окна были плотно закрыты. Сквозь плеск он слышал пение — низкий, вибрирующий голос, зовущий его вниз, в расщелины, где нет света, где под давлением толщи воды ломаются кости. На следующее утро шторм утих. На берегу острова рыбаки нашли лодку смотрителя, полную ила и мелких, полупрозрачных рыбешек. В самом маяке было пусто, лишь на полке, где когда-то лежал локон, осталось глубокое, выжженное пятно в форме человеческой ладони, а по стенам стекала вязкая, фосфоресцирующая слизь. Говорят, что теперь, когда в тех водах тонет корабль, среди утопленников можно заметить мужчину с неестественно длинными, спутанными волосами, которые продолжают расти, опутывая всё живое, что осмелится приблизиться к проклятому рифу. А локон… локон всегда находит способ вернуться к берегу, чтобы найти нового хозяина, жаждущего красоты, которая скрывает в себе вечную жажду пучины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.